

18+

АЛЕКСАНДР

КИРЕЕВ

ТО, ЧТО ПОМОГЛО ТЕБЕ ВЫЖИТЬ,

НЕ ПОМОГАЕТ ТЕБЕ ЖИТЬ

СВОБОДНЫЙ ЗАКЛЮЧЁННЫЙ

Александр Киреев

Свободный заключенный

«Издательские решения»

Киреев А.

Свободный заключенный / А. Киреев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694255-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Молодой спортсмен из Сибири отправляется покорять Америку. Но вместо американской мечты он оказывается в американской тюрьме, где ему грозит 80 лет заключения. Это исповедь сильного, но одновременно уязвимого и честного мужчины. Книга — глубокий диалог о том, на что способен человек, когда выбор стоит между совестью и деньгами. Она исследует мужскую уязвимость, хрупкость и умение принимать свою слабость. Но может быть, именно в этих качествах и скрывается истинная сила? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-694255-4

© Киреев А.

© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1. ВЫБОР	7
ГЛАВА 2. ЗВЕРЬ	11
ГЛАВА 3. КРЕСТИК	13
ГЛАВА 4. АРЕСТ	14
ГЛАВА 5. ОТКАЗ	16
ГЛАВА 6. СЕСТРА	17
ГЛАВА 7. ЗВОНОК	20
ГЛАВА 8. ПЕРЕВОД	22
ГЛАВА 9. ПЕКЛО	26
ГЛАВА 10. ХУДОБА	29
ГЛАВА 11. СОЛДАТ ПРОТИВ КАПИТАНА	33
ГЛАВА 12. ВЕРЬ	35
ГЛАВА 13. САМУРАЙ	37
ГЛАВА 14. ОРУДИЕ	39
ГЛАВА 15. Н-ТИР	41
ГЛАВА 16. РОБ	43
ГЛАВА 17. СНИКЕРС	46
ГЛАВА 18. КРЫША	48
ГЛАВА 19. МИЛЛИОН	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Свободный заключенный

Александр Киреев

© Александр Киреев, 2026

ISBN 978-5-0069-4255-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я написал эту книгу, потому что мне было больно. Я больше не мог держать эту историю в себе. Однажды, абсолютно без навыков писателя, я сел за стол и начал выпускать наружу всё, что давно зрело внутри. Всё происходящее в книге – это события из моей жизни. Каждый эпизод. Каждый диалог. Каждый герой.

Моя любимая жена помогала мне и была моим вдохновением на протяжении всего процесса написания книги (пусть так будет всегда!). *Я благодарю тебя, моя любимая Пи.*

Я посвящаю эту книгу своим родителям, которые сделали всё, что было в их силах, чтобы я стал тем, кто я есть. *Моя дорогая мама, моя богиня, подарившая мне жизнь, хочу, чтобы ты знала, как сильно я тебя люблю.*

Мой отец, мой бог, вдохнувший жизнь в меня, хочу, чтобы ты знал, как сильно я люблю тебя.

Мой дорогой читатель, прошу тебя: несмотря ни на что, в любых обстоятельствах всегда оставайся собой. И помни, что в этом и есть твоя сила. Твоя честность – это твой ориентир и компас в этом мире. Твоя любовь – это твоя движущая сила. Делай, что должен, и будь, что будет.

С уважением, Александр Киреев.

ГЛАВА 1. ВЫБОР

Москва, станция метро «Улица 1905 года». Наше время

Вся комната пахла тобой. Обволакивающий, манящий, возбуждающий аромат женщины пропитывал мою холостяцкую однушку. Нотки твоего запаха летали в воздухе, оседая на постельном белье, моей одежде, шторах и обоях. Частицы тебя оставались на каждой вещи, к которой ты прикасалась.

Я стоял в дверном проёме спальни и смотрел на тебя. Аромат затмевал мой разум, и я безвольно подчинялся ему. Ты лежала, как всегда, в самом неестественном для сна положении, словно кто-то или что-то заставляло тебя принять его. Хотя я ничуть не удивился бы, если бы узнал, что ночью в тебя действительно вселяется некая сущность и вытворяет всё это. Может, это был бог, а может и нет. Неважно. Сейчас важно только то, что мне хорошо с тобой, чертовски хорошо.

Словно специально позируя, ты лежала, слегка прикрывшись одеялом. Сонный и ослабленный, я уже был голоден и пожирал тебя взглядом, запоминая каждый сантиметр твоего тела. Невесомые, аккуратно вылепленные пальчики ног перетекали в лёгкие стопы идеальных размеров. Точёные голени и приятные на ощупь упругие икры. Полные жизни и страсти бёдра, словно созревшие фрукты, дурманили сладкими манящими формами. Изгиб гибкой талии, обхватывая которую, я легко поднимал тебя одной рукой.

Уверенные плечи царицы и смело выступающая аккуратная грудь.

Ты лежала лицом вниз, и было хорошо видно одно из моих любимых мест твоего тела. Изящная линия, соединяющая шею и плечи. Она поразила меня ещё при первой встрече. Тогда я подумал, как здорово будут смотреться на твоих аккуратных ушках длинные серьги. Эта линия напоминала правильно очерченную геометрическую гиперболу. Каждый раз, когда на рассвете я открывал глаза, то видел этот идеальный сглаженный угол, нарисованный самым искусным Творцом и воссозданный Богом.

Секретов этого места было много. Глядя на него, я любовался твоим врождённым изяществом. Подходя сзади, я нежно прикасался носом к той его части, где гладкая кожа переходит в шёлковые волосы. Я захлёбывался от удовольствия, и руки сами начинали скользить по твоему телу. Тогда в порывах страсти я сжимал твою шею, ощущая всю хрупкость и силу, текущую по ней. Бесконечная энергия жизни лилась через неё бурным потоком сильной реки. Сверху вниз и снизу вверх, не встречая ни малейшего сопротивления на своём пути. И мне хотелось напиться этой рекой, утолив свою жажду. А потом войти в неё полностью, и, омыв себя, научиться дышать под водой.

Не сумев сдержаться и в этот раз, я достал телефон и сфотографировал тебя. Видимо, я боялся, что всё это временно, и хотел запечатлеть такие моменты не только в памяти.

Мы встречались чуть больше недели, и каждый из нас ещё держал маску пристойности, оставляя скрытое под ней для самого себя. Ещё на первом свидании мы признались друг другу, что не ищем серьёзных отношений. Это было очень удобно. Я думал, что как обычно зайду в комнату, но дверь за собой до конца закрывать не стану. А как только что-то пойдёт не так, я спокойно выйду через эту незапертую дверь.

Со мной часто бывало такое. Особенно когда я чувствовал, что всё приобретает серьёзные обороты, и мне нужно раскрыться и довериться человеку. С кем-то меня хватало на год или два, с кем-то на неделю или месяц. Но каждый раз меня что-то останавливало. И я отказывался по-настоящему идти в глубину отношений. Может быть, я был не готов, а может быть, моя чуйка подсказывала, что ещё не время. Я не боялся отказываться от хорошего, потому что в глубине души верил, что могу обрести лучшее.

Помню, за несколько секунд до того, как нашёл тебя на сайте знакомств, я впервые озвучил вслух то, чего действительно хотел. То, о чём всегда мечтал не для кого-то, а для самого себя.

Я хотел быть счастливым. Быть рядом с женщиной, с которой можно наслаждаться жизнью.

«Хочу любить и быть любимым!» – сказал я вслух, сделал вдох, чуть прикрыл глаза и с выдохом открыл их. Это сработало мгновенно. Я наугад провёл вверх по экрану смартфона и из сотни сообщений и неначатых переписок увидел тебя. Изучив фото, я произнёс лишь одну фразу: «Хочу её!»

Уже вечером следующего дня мы сидели в уютном кафе.

– Я не люблю банальные разговоры об увлечениях, погоде и прочей ерунде, давай оставим это другим, – с уверенностью произнесла ты.

– Хорошо, я тоже не люблю тратить время впустую. О чём ты предлагаешь поговорить?

– О том, что по-настоящему важно.

– Дай угадаю. Секс?

– Да, именно о нём.

– Мне уже это нравится, – ответил я, чувствуя лёгкое возбуждение в теле.

Меня покорила твоя открытость. Лёгкость и умение озвучивать то, чего действительно хочешь. Смелость произносить то, что нравится и что хотелось бы попробовать. Ты не говорила о прошлом, тотально находясь здесь и сейчас. В тот момент я ещё не мог до конца поверить, что ты чётко знаешь, что тебе надо. Меня поразила эта соединённость с собой. Так мог говорить человек, изучавший себя долгие годы. Монах, который десятки лет сидел в уединённом храме высоко в горах Непала, но не юная москвичка, которая была на 11 лет младше меня.

«С ней я могу быть собой», – яркое осознание промелькнуло у меня в голове. Я смогу раскрыться полностью и быть честным до конца. Она примет всё и поймёт. С ней я смогу всё, чего захочу.

Ты проснулась и, нежно улыбнувшись, не говоря ни слова, поманила меня к себе. Весь день мы наслаждались друг другом, много болтали и смеялись, пытаюсь понять, сколько нам ещё суждено быть вместе. А вечером, взявшись за руки, пошли гулять. Город дышал неприветливой прохладой, тлеющее солнце только создавало видимость тепла. Нам было всё равно, внутри согревало зарождающееся, доселе незнакомое чувство. Оно окрыляло, наполняя желанием дышать чаще, говорить искреннее, слушать чутче, прикасаться нежнее.

Я по привычке корчил из себя супергероя, которому неведомо чувство страха, искренне считая, что любить мужчину можно только за это. А когда ты спросила, боялся ли я чего-то в жизни на самом деле, я вдруг на секунду осёкся и замолчал. Я почувствовал, что тебе действительно было важно то, что я говорил. Перед глазами промелькнули мелкие обрывки памяти, и я не стал их озвучивать сейчас, как не озвучивал сотни раз до.

Тогда я подумал, неужели именно тебе я смогу открыться и рассказать если не совсем всё, то хотя бы какую-то часть? Потом посмотрел на твоё юное, местами детское лицо и промолчал. Мы направились домой, ты что-то говорила, я что-то отвечал, но в моих мыслях, не переставая, звучал твой вопрос.

Уже дома, выпив по бокалу вина, мы, обнявшись, стояли на балконе и в лучах заходящего солнца слушали дыхание друг друга.

– Ты так и не ответил на мой вопрос, – неожиданно произнесла ты.

Я знал, что это за вопрос, поэтому не стал делать вид и переспрашивать, а, сделав глубокий вдох, просто начал говорить. Точнее, говорил не я. Я только открывал рот, наружу сами собой медленно выходили тяжеловесные слова, которые многие годы копились внутри, трамбовались, уплотняя чувство боли и одиночества. Эти пережитые, но не прожитые мною эмоции и чувства со временем стали твёрдыми, как гранит. Плотные уложенные друг на друга, эти

гранитные плиты формировали высокие стены, которые разделяли меня и весь мир. И чем дольше я не признавал их, тем плотнее становилась моя внутренняя крепость, в которую я заживо замуровал сам себя.

Спёртый воздух собственноручно возведённой гробницы отравлял лёгкие. Тусклый свет, едва попадающий внутрь, практически не освещал и не грел неживого пространства. Я как будто умирал изнутри.

Но именно в тот момент, когда я, заживо погребённый, перестал издавать звуки жизни и уже был готов водрузить последнюю надгробную плиту, появилась ты. Что-то мгновенно изменилось, пространство расширилось, воздух и свет попали внутрь, появилось место для глубокого вдоха, а вместе со вздохом родилась вера. За верой появился голос. Выкарабкиваясь из недр моих похороненных воспоминаний, он гулко зазвучал.

– Знаешь, я редко чего-то боялся в жизни. Хотя, наверное, по-настоящему я испугался один раз, осознав, что все мои предыдущие страхи были просто лёгкими испугами.

В 6 лет двое врачей держали меня за руки и ноги, а третий специальным устройством открывал мой рот, чтобы вырвать зуб.

В 9 лет на моих первых соревнованиях по Армейскому рукопашному бою меня трясло как в лихорадке, но не из-за страха перед соперником, а по причине жуткой, парализующей стеснительности. Я боялся, что люди будут смотреть на меня, и я могу что-то сделать не так.

В 11, когда шли стенка на стенку с ребятами из города, мои ноги не слушались, а колени подкашивались от страха.

В 17 я боялся, что не донесу ту бабку, которую сбила машина на моих глазах. Её нога болталась в неестественном положении, заливая кровью колготки. Я тащил её в травмпункт на руках, напрочь забыв о том, что 10 минут назад мне самому там зашивал руку пьяный хирург.

Я вспомнил эти и многие другие эпизоды, в которых я думал, что боюсь, и понял, что это были лишь проверки, испытания, подготовка в некотором роде. Затем я погрузился в то самое воспоминание...

То, что я услышал несколько секунд назад, заставило меня испытать все те предыдущие страхи, многократно перемноженные друг на друга.

Я словно видел себя со стороны.

Я стоял молча, смотря на ледяную металлическую решётку, которая разделяла меня и моего адвоката. Он что-то продолжал говорить, но я уже не слышал его слов. Я слышал звон. Гулкий, протяжный, въедливый звон, заполняющий собой всё вокруг.

Очнувшись, я с силой переборол его и повторил слова адвоката:

– Четыре статьи?

– Да.

Тишина и звон где-то глубоко внутри.

– И я могу получить по 20 лет за каждую?

– Да, – сухо ответил он.

Тишина и звон поднимались всё выше.

– Значит, я выйду, когда мне будет 100 лет?

И снова эти проклятые звон и тишина. Адвокат молчал. Потом он начал было говорить про условно-досрочное, но осёкся, а после паузы сказал:

– Алекс, им ещё надо всё это доказать, а пока у них мало материалов на тебя.

Я не знал, что сказать в ответ и что делать. Что тут можно сделать? Я закрыл глаза и на секунду представил, что могу никогда больше не выйти на Свободу. Что если никогда больше я не пойду туда, куда захочу и всю свою оставшуюся жизнь проведу взаперти? И вот эта ледяная металлическая решётка будет разделять меня и весь мир... Я представил, как буду

взрослеть, а потом и стареть в стенах какой-то американской тюрьмы и там же закончу свои дни. Одинаковые дни несвободного человека. Представил, что будущего у меня нет.

Я часто вспоминал и до сих пор вспоминаю этот момент, когда на меня нападает грусть или тоска. Я же могу идти туда, куда хочу, делать то, что мне нравится, жить так, как мне хочется. Этого ли не достаточно, чтобы быть счастливым?

Выдавив то, о чём молчал уже давно, я с опасением и внутренним чувством вины поднял глаза, ожидая твоей реакции, и спросил: «Ты уверена, что хочешь слушать дальше?»

Твои маленькие нежные руки лежали на моих, твой взгляд был пропитан теплом и любовью. Твоё внимание и участие обволокло всё пространство комнаты. В то мгновение я понял, что ты готова принять меня полностью и впустить без остатка. Со всей болью, страхом, слабостями и несовершенством прожитой жизни. Именно в тот момент я осознал, что стою перед выбором. Раз и навсегда захлопнуть не до конца закрытую дверь, нырнуть в эти отношения с головой и... будь что будет. Или по привычке выйти, когда станет страшно.

Ты чуть слышно сказала: «Всё хорошо, продолжай». И я продолжил, сделав свой самый важный выбор.

ГЛАВА 2. ЗВЕРЬ

USA. New York, Manhattan. MCC – тюрьма. Десять лет назад

Ледяной холод решётки пронизывал меня насквозь. Бесчувственные пальцы рук побелели, но упрямо продолжали сжимать стальные прутья. Выстуживая тело, холод медленно проникал внутрь. Он карабкался по венам, направляясь к сердцу. Я точно не помню, сколько тогда простоял без движения, услышав слова адвоката. Может быть, минуту, а может и десять.

– Эй, Бро! Бро! – внезапно раздался голос, внушающий доверие. Этот голос звал меня, словно он был голосом свыше. Я слышал его, но не оборачивался.

Как-то раз в интервью одного заслуженного советского артиста цирка я прочёл фразу, которая показалась мне очень важной: «Искренне улыбаться, радоваться и громко смеяться может только человек, глубоко познавший боль и лишения судьбы». Услышав новость о том, сколько мне грозит, я был готов утратить всякую надежду на жизнь, но вдруг встретил именно такого человека. Это был Боря, но американский криминальный мир знал его по прозвищу Beast, что значит Зверь.

Голос повторил:

– Бро, ты чего там залип?

Вынырнув из своих дум, я оторвал взгляд от решётки, еле разжав руки, и медленно повернулся. Напротив меня на скамье сидел мужчина лет тридцати пяти.

На первый взгляд он напомнил мне киноактёра Джейсона Стейтема, но намного крупнее. Весь его внешний вид говорил об огромной силе внутри. Как будто тело было нужно ему, чтобы сдерживать эту мощь. Развитая мускулатура буквально надрывала оранжевый тюремный костюм, в который он был одет.

Лицо человека – это книга его жизни, на которой отпечатывается каждая новая глава. И сейчас я читал эту книгу, не сводя глаз. Лысая, гладко выбритая голова, двухдневная щетина от уха до уха. Каменный волевой подбородок рискованного человека, привыкшего идти напролом. Прокачанные трапеции плавно переходили в могучие плечи боксёра-нокаутера. Он сидел без движений, но на его предплечьях вздувались змеями вены. Спокойные серо-голубые глаза смотрели на меня как-то по-отечески добро, изучая, с интересом и без агрессии.

На его правое плечо опирался другой заключённый, тоже атлетично сложенный, но меньших размеров. Он испытующе глядел на меня хитрыми и цепкими глазами мангуста.

– Бро, я подумал, ты будешь стоять так вечно. Твой адвокат ушёл несколько минут назад, – произнёс тот, что был больше, ровным голосом с заметным акцентом человека, долго жившего в Америке.

– Меня Борей звать, но все знают как Beast. Это мой брат Рома. Мы братья Лисянские, может слышал.

– Александр, – выдавил я из себя и направился к металлической скамейке, стоявшей у противоположной стены. Сев на неё, я ощутил, насколько сильно устал. Слишком много событий за последние сутки. Арест как в голливудском боевике, когда меня приняли прямо в самолёте, вылетающем в Россию. Деловые серьёзные лица и значки FBI, тугие наручники и растянутые плечевые связки от вывихнутых назад рук. Новость, которую сообщил мне несколько минут назад адвокат. Глаза медленно слипались, и я начинал проваливаться в вязкую, болотную жижу сна. Небезопасная обстановка и чувство тревоги пару раз будили, и мне удавалось открыть глаза. Но видя на противоположной скамье так же спокойно сидящих братьев, я почему-то чувствовал, что могу отпустить контроль.

– Ты русский? – я еле расслышал вопрос уже знакомого мне голоса.

– Да.

- Первый заход?
- Да.
- Боксёр? – спросил Боря, видимо, обратив внимание на мой ломаный нос.
- Да нет, шахматы, шашки.
- Понятно, – улыбнулся Боря. – Наш человек.
- Покемарь, братец, мы присмотрим. Всё будет ровно.

Поблагодарив взглядом говорящего, я ощутил невыносимую тяжесть всего тела и в секунду ушёл в глубокий, но тревожный сон. Тогда я ещё не знал, что именно этот человек сыграет решающую роль в моей тюремной одиссее. Именно он станет для меня воплощением Будды, Ганди и богатыря Пересвета с картины Авилова. Добрый, открытый, всегда улыбающийся человек по прозвищу Зверь.

Сон, больше похожий на бэдтрип, затягивал, петлял, жонглируя событиями и воспоминаниями из прошлого. Запах пачек плотно сложенных зелёных банкнот. Водка, льющаяся через края стопок, и потные рукопожатия. Сбитые костяшки на обеих руках и похмельная боль в висках. Лживо улыбающиеся доступные девчонки на моих коленях. Лай собак и я, бегущий по железнодорожным путям где-то в Бруклине. И посреди всего этого Мама. Она молча сидела за старым круглым столом на кухне нашей квартиры в Иркутске. За окнами была темнота, лишь свет качающихся от ветра фонарей показывал крупные, быстро падающие пуховые снежинки. Такие снежинки бывают только в Сибири. Вьюга усиливалась. На маминых плечах уютно висела старая, изношенная и затёртая бабушкина кофта. Мама подняла взгляд от книги и посмотрела на меня. Её ничего не выражающие глаза начали медленно наполняться слезами. Слезам, которые бывают только у матерей, переживающих за своих детей. Чистые ручьи слёз текли по маминым щёкам, капали на стол, а со стола на пол.

Я стоял в коридоре и смотрел на неё, не решаясь уйти. А когда коснулся ручки входной двери, то услышал мамин голос и ту фразу, которую я повторял в своих мыслях сотни раз и однажды произнёс ей вслух. Она прозвучала остро, пройдя через рёбра и уколов меня в самое нутро.

«Женские слёзы стоят недорого», – сказала мама мои слова не своим голосом. Я зарычал от боли и ударом локтя вышиб входную дверь, проваливаясь в темноту зимнего города.

Очнулся я от боли в правом виске. Видимо, уснув сидя на скамье, завалился на бок и ударился головой о железную поверхность скамьи. От резкого пробуждения я не сразу понял, где нахожусь, потребовалось несколько секунд. Да, это был не сон. Я был всё там же, в камере какой-то американской тюрьмы. Меня подняли двое братьев.

– Саша, ты давай поаккуратнее, а то только залетел, так уже левый боковой от скамейки пропустил, – с улыбкой сказал Боря.

– Вырубило, – ответил я.

– Ничего, неделю-другую в двушке отоспишься, а потом в общую переведут. Даст Бог, там и свидимся.

Не успев толком ничего понять, я услышал, как меня позвали на выход, и пошёл к открывшейся решётке. Братья проводили взглядом. Боря поднял левую руку с сжатой в пудовый кулак ладонью и приподнял её к подбородку. Я узнал этот жест. Точно так же сделал мой тренер Хасан, когда пару лет назад на чемпионате по тайскому боксу я опустил левую руку и тут же был наказан быстрым правым боковым в открывшуюся челюсть. Я пропустил этот опасный удар, и меня повело. В глазах потемнело, но я собрался и не подал виду. Соперник не понял, что я еле стою на ногах. А вот Хасан всё понял. Поэтому и поднял левую руку, прижимая кулак к челюсти: «Держи защиту, будь начеку!» Тогда это помогло мне выстоять, переломить ход боя и выйти в финал. Что поможет мне выстоять сейчас, я не знал.

ГЛАВА 3. КРЕСТИК

Три охранника: один впереди, двое позади. Они долго ведут меня по коридорам. Руки туго перетянуты наручниками за спиной. Сдавливает лёгкие запах бетонных плит, в которых напрочь отсутствует свобода.

Бесконечные повороты тюремных лабиринтов и решётки. Они повсюду. За каждым поворотом, на каждом этаже, каждые несколько шагов нам преграждают путь решётки из толстых, потёртых стальных прутьев. За ними всегда стоят охранники. Видя нас, они поднимаются, нажимают на кнопку, расположенную на стене, затем раздаётся противный ржавый звуковой сигнал, и решётка со скрипом открывается, пропуская нас ещё глубже в утробу тюрьмы.

Кажется, это длится целую вечность. В момент, когда я утрачиваю глупую надежду запомнить путь, мы входим в серую, плохо освещённую комнату. По бокам стоят тёмные железные стеллажи с коробками. В центре стол, за ним человек с пустыми глазами и таким же лицом. Он протягивает мне пустой контейнер с фразой: «Раздевайся и положи все свои вещи сюда». С меня снимают наручники. Минутная пауза, я начинаю раздеваться, испытывая дискомфорт. Остаюсь в одном нательном крестике. Меня дотошно досматривают. Чувство унижения перетекает в неконтролируемую агрессию.

– Это тоже сними, – произносит человек, сидящий за столом, указывая на крестик.

– Не буду, – упрямо отвечаю я.

– Тогда это сделаем мы, – доносится голос одного из охранников где-то сбоку. Он резким движением срывает с меня крестик и кидает в контейнер с вещами. Рефлекторно дёргаюсь ему навстречу, но мне тут же преграждает путь увесистая дубинка другого охранника. Упёршись в грудь, она лишает всякой воли. Трое охранников вокруг, человек с пустым лицом за столом и я. Все они в одежде, а я без неё. Стыд и унижение парализуют. Я стою молча, смотрю на крестик в контейнере.

Мне было 19, когда я решил покреститься. Не знаю, почему вдруг это желание пришло ко мне. До этого мы с парнями из зала иногда помогали одной церкви. Хасан, наш тренер, звал нас на разные церковные праздники, и мы послушно ходили. Носили воду, кололи дрова, но не из-за веры, а для того, чтобы угодить жёсткому тренеру. Тогда я не понимал, зачем всё это.

Парни шептались, что он сам прошёл несколько войн и тюрем. Но зачем это нам? Как-то раз он предложил покрестить меня, я отказался. Всем своим нутром я чувствовал сопротивление. Я называл это осознанным выбором и силой, а сейчас понимаю, что это была всего лишь гордыня. Слабость признать, что есть что-то выше, что ты не Бог, а всего лишь человек.

В тот зимний день я вышел из дома, взяв с собой сделанный на заказ крестик. Мастер отлил его из моей детской серебряной ложки. На улице была трескучая сибирская зима. На чистом голубом небе ярко светило солнце. Холод был такой, что дышать, не прижимая перчатку к лицу, было невозможно. Мороз пробирал насквозь, но меня это только бодрило. Сев в заранее прогретую машину, я поехал в ту самую церковь, нашёл батюшку и попросил покрестить. С тех пор крестик я никогда не снимал. Почему-то это было важно для меня.

Сейчас я снял крест. Точнее, с меня его сняли. Будто что-то хрупкое, едва уловимое оборвалось во мне. Больше нет оберега. Нет студёного кусочка сибирской церкви, сложенной из вековых бревен, стоящей на холодном солнце под чистым голубым небом.

Одетый в jumpsuit, тюремный комбинезон из грубой ткани, я направился в свою первую камеру. Сквозь коридоры и решётки я погружался в брюхо тюрьмы, становясь её частью. Она начинала медленно проглатывать меня, как делала это с каждым. Тщательно пережёвёт, обглодает до костей, переварит и выплюнет изувеченным. Или всё обойдется? Я старался не думать.

ГЛАВА 4. АРЕСТ

Громкий лязг тяжёлой металлической двери, толчок в спину и глухой, грубый звук закрывающегося засова за спиной. Всё, я внутри. Только сейчас я осознал, что свобода осталась где-то далеко позади, за этими стенами.

Я – тот, кто ещё несколько часов назад вальяжно расположился на сиденье Боинга, летевшего в Москву. Хорошо одетый, с деньгами в сумке, полный уверенности в себе и мире вокруг. Гордый, наглый, самоуверенный и вольный делать всё, что хочется, двадцатилетний пацан. Сейчас я стоял посреди тюремной камеры. А за моей спиной вместе с закрывающейся дверью оборвалась тонкая нить, связывающая меня и мою свободу.

Глаза закрыты, в ушах непроходящий звон, чувствую затхлый запах сырости, ржавчины и чего-то ещё, неприятного, заношенного. Это мой комбинезон.

Открываю глаза, звон в ушах исчезает, туман рассеивается, появляется картинка, я вижу всё чётко и ясно. Плохо освещённое помещение не больше 5 квадратных метров. Справа от меня металлическая конструкция причудливой формы. Это соединённое воедино зеркало, переходящее в раковину, которая в свою очередь переходит в унитаз. В полуметре от него двухъярусная металлическая кровать. Из угла, где кровать касается стены, тонкой струйкой льётся лучик дневного света. Я не поверил, что это окно. Окна большие, в них видно улицу, небо, людей. В этом же окне не было видно ни чёрта. В ширину оно было не больше 10 сантиметров. Мутное, исцарапанное, оно еле пропускало что-то, напоминающее о свободе.

Я подошёл к нему вплотную и увидел очертания улицы, на которой закат играл тенями идущих по своим делам свободных людей. Всем своим нутром я захотел к ним. Это желание было сильнее меня и я, словно обезумев, собрал всю силу в руках и упёрся ими в стены, обрамляющие окно. Что есть мочи я стал раздвигать их, тужась изо всех сил, крепко сжав зубы, мыча от злости и бессилия. Я пытался раздвинуть бетонные плиты...

На долю секунды я даже поверил, что стены поддались мне, но нет. Обессилив, я сполз по стене вниз. В горле стоял ком. Сдержусь и на этот раз, подумал я. И не такое терпел. Но мокрые глаза уже стали искажать реальность вокруг. Я не стал их вытирать, ибо чистым, незатуманненным взглядом смотреть на беспечный нью-йоркский закат было невыносимо.

Нет, я не заплакал. Я зарыдал, захлёбываясь своим бессилием перед реальностью, которую ещё не принял. Я ныл, скулил, бил по стенам, орал, размазывал сопли и слюни по своему лицу. А когда силы кончились, бесчувственным мешком рухнул на пол возле этого недо-окна и ушёл из камеры в воспоминания сегодняшнего раннего утра.

– Pavel, bro, thanks for everything, you are my brother!

– You are a good man, Alex, take care!¹

Крепкое рукопожатие русского и польского народа. Два друга, два упрямых маленьких мальчика, которых жизнь закинула в Америку, чтобы проверить характеры на прочность.

Разворачиваюсь, иду к стойке регистрации, в голове приятные воспоминания. Как я заселился к Павлу в квартиру в Бруклине, как тренировались на крыше, как по ночам ездили на стройку, чтобы заработать хоть какие-то деньги, как закусывали водку мною приготовленным борщом, в который я случайно добавил макароны, как пьяные боролись, проверяя, кто сильнее: тайский боксёр или польский борец, а потом с синяками шли в бар знакомиться с девчонками...

Хочется обернуться, но не оборачиваюсь. Я никогда не оборачиваюсь. Это воспоминание навсегда останется в моём сердце. Но время идти дальше.

¹ – Павел, бро, спасибо за всё, ты мой брат! – Ты классный чел, Алекс, береги себя!

Подхожу к стойке регистрации, подаю документы на вылет. Чувствую что-то неопределённое, наверное, переживаю, ведь в России не был почти 2 года.

Мои документы берут с улыбкой. Но через несколько мгновений доброжелательность исчезает с лица работницы аэропорта, она смотрит на меня подозрительно.

– Поднимите глаза на экран монитора.

Потом опять переводит взгляд на меня. С натянутой улыбкой произносит: «One second!» и уходит. Но я уже всё понял. Позади раздаётся крик: «Alex, what's up?»² Это Павел не смог уйти сразу, переживает. Знаю, что он догадывался, что все эти вещи и деньги появились не просто так. Я съехал от него в другой район и стал менять квартиры и номера телефонов как перчатки.

– Алекс, беги, пока не поздно, они найдут тебя! – напряжённо произносит друг. Я знаю, но лучше так, чем прятаться всю жизнь, это не мой путь. Молча смотрю на него, отвечая взглядом. Он понимающе кивает головой. Ещё раз крепко сцепились руками и попрощались.

Работница аэропорта возвращается, с улыбкой протягивает документы.

– Всё хорошо, вы можете идти дальше.

Заманивают в ловушку, понимаю я. В голове ещё тешу мысль, что мне повезет, и всё обойдется. Прохожу все предпосадочные процедуры и поднимаюсь на борт самолёта, думая, как же я удачно всё провернул в этой стране и улетаю безнаказанным. Сажусь рядом с симпатичной девушкой, приветливо улыбаюсь.

– Куда летите?

– Так в Москву, куда же ещё, – удивляясь, отвечает она.

– Правда? И я тоже. Вот это совпадение!

– Значит, вместе полетим, – ловлю улыбку в ответ.

Хорошая брендовая одежда приятно касается моего тела, карманы брюк греют купюры. В ручной клади тоже есть зелёные банкноты. Хорошо я тут поработал, думаю про себя. От удовольствия прикрываю глаза и улетаю в размышления о своей дальнейшей жизни. 5 минут до вылета. Может, в Москве останусь или домой в Иркутск, пока не знаю. Знаю точно, что первым делом двину на Байкал, соскучился по его спокойной силе.

Резкий железный голос вырывает меня из приятных мечт.

– Александр Киреев, это FBI, вы арестованы, не сопротивляйтесь, медленно встаньте и пройдите с нами.

Шестеро здоровых мужиков перекрыли проход со всех сторон.

– Извините, но я не говорю по-английски, – выдавливаю из себя корявые слова на английском. Оцениваю ситуацию.

– Не шути с нами, мы знаем, кто ты такой, – слышу жёсткий ответ.

Да, что тут оценивать, приехал. Весь самолёт смотрит на меня.

– Вставай медленно, руки перед собой, так, чтобы мы видели.

Медленно поднимаюсь с места, руки ловко перехватывают за спиной, надевают наручники. Знакомый звук закрывающегося замка, звонкий и лишаящий надежды на свободу. Ловлю ошеломлённый взгляд девушки с соседнего сиденья.

– Видимо, в другой раз в Москву полетим, – пытаюсь пошутить я. Меня толкают в спину, держа за наручники, проводя через весь салон самолёта.

Дальше как в кино: молодой, спортивный, хорошо одетый парень, совсем не похожий на нарушителя правопорядка, в окружении шести агентов FBI быстро двигается через весь аэропорт навстречу неизвестному. Заднее сидение большого чёрного джипа, мои попытки оправдаться, в ответ серьёзные взгляды. И вот я тут. Нет никакой ошибки. Эту реальность сотворил только я.

² «Алекс, что случилось?»

ГЛАВА 5. ОТКАЗ

Моя первая ночь в тюрьме прошла спокойно. Я был один на один с собой и своими мыслями. Сон не шёл, тревоги и волнения тоже не было. Разум системно исторгал поток мыслей. Он искал ответ на главный вопрос: что делать?

Да, я, как и все, смотрел американские боевики и был вооружён знаниями, полученными оттуда. О том, как крутые парни выживают в подобных местах. Но то были фильмы, а это была реальность, и в главной роли был не оscarоносный голливудский актёр, а я. Простой сибирский парень, уверовавший в свою безнаказанность.

Как это часто бывало, ночью ответы приходили сами. То, что вчера казалось сложным, сейчас в полусонном состоянии решалось очень простыми действиями. Всё было логично, чётко и ясно. Проснувшись рано утром, я всё решил. Я решил использовать с толком каждую минуту, которую судьба уготовила мне провести в этих стенах. Я обещал себе работать над своим телом, тренировать разум и укреплять дух. В глубине души я понимал, что мне нужна опора, которая поможет мне выстоять перед всем, что меня ждёт. Некий фундамент, который поможет мне не сломаться.

Странно, но в ту самую первую ночь я спал глубоко и спокойно. Мне снился сон, как я нахожусь в тюрьме и вижу себя со стороны. Удивляло внутреннее спокойствие, которое не покидало меня весь тот сон. Было ощущение, что я там, где должен быть, и ничего дурного со мной тут не может случиться. Именно в ту ночь я запретил себе чувствовать страх, а вместе с ним испытывать и другие чувства.

Утром я проснулся от плача и всхлипов соседа по нарам. Это был невысокий subtilный человек лет сорока на вид. Его национальность не поддавалась определению. Грек, иранец, а может быть, итальянец. Он лежал на верхних нарах и плакал, закрывая лицо покрывалом. В какой-то момент я не выдержал, поднялся на ноги и подошёл к нему, спросив, в чём причина его слёз. Захлёбываясь и заикаясь, он стал мне объяснять на плохом английском, что он тут в первый раз, его взяли по ошибке, он ни в чём не виноват, у него жена и дети. Глядя в узкое окно, я молча слушал.

Странно, но его слова никак не беспокоили меня. Они просто пролетали мимо и бес- сильно падали, ударяясь о прочные стены нашей камеры. Он одновременно был трогателен и противен мне из-за того, что ещё мог чувствовать и страдать, а я уже пообещал себе этого не делать. Вскоре мне захотелось схватить его за горло, чтобы не слушать воплей и слёз, и сильно сжав, вбивать каждую из тех мыслей, что я принял этой ночью, в его голову.

Оставь всё прошлое там, на свободе. Будь так же твёрд, как прутья решёток, что стоят на этих окнах. У тебя никого нет, кроме тебя самого. Борись до конца или умри, зная, что не сдался. Ты никому не нужен, и никто тебе не поможет. Теперь твоя жизнь только в твоих руках.

Мои челюсти сжались до предела и от напряжения на них выступили желваки.

Медленно и глубоко вздохнув, я повернулся к нему и уставился в его глаза. Я еле сдерживался. Что-то произошло в этот момент. Он перестал плакать и замолчал. Может быть, он всё понял по моему взгляду, а может быть, просто выплакал всё, что хотел. Но одно я знаю точно: он принял ситуацию, в которой оказался, и себя в ней.

ГЛАВА 6. СЕСТРА

Прошла почти неделя с моего ареста. Я понемногу начинал привыкать к условиям содержания, питанию, режиму дня и правилам.

Завтрак начинался в 7 утра, состоял из яблока или банана, сухих хлопьев и баночки молока. Его просовывали сквозь небольшое окошко в двери. После я садился и записывал мысли, которые приходили ночью. Эта привычка здорово мне пригодилась в дальнейшей жизни. Иногда я так получал ответы, приходил к важным осознаниям и находил решения. Затем пару часов я тренировался, изобретая упражнения в условиях камеры. Набивал костяшки кулаков о стены, отжимался с отягощением, подтягивался, держась за верхнюю шконку. Проводил бой с тенью, отрабатывая базовые комбинации, тысячи раз наработанные в тренировочном зале.

Затем был обед: разваренные макароны, пара кусков американского ватного хлеба и соевая котлета. После него я дремал, обдумывая план дальнейших действий. Вечером мы часто общались с соседом. Он рассказывал мне про свою семью в Иране, как сильно он любит свою жену, четверых детей и всех своих родственников, имена которых я даже не пытался запомнить. Его взяли на торговле левыми документами, он согласился помогать следствию, сдал всех подельников и верил, что его скоро выпустят. Когда он спрашивал меня о моих делах, я отмалчивался, подозревая в нём насадку, собиравшую сведения.

Затем наступало время ужина. Кашеобразный рис, непонятно из чего сделанная зелёная баланда с противным запахом водорослей и хлеб.

В ту первую неделю я сильно похудел, видимо, из-за стресса, поэтому старался не пропускать приёмы пищи. Съедал всё без остатка, неважно, что давали, слипшиеся макароны, сырой хлеб или пахнущие плесенью жидкие соевые котлеты. Но как бы я ни старался, чувство голода не покидало меня даже после еды. Голод был моим вечным спутником, и часто все мысли были только о еде. Я вспоминал мамины пирожки разной формы, жареные на сковородке. Треугольные с мясом, круглые с картошкой и овальные с капустой. Жареную картошечку с луком, которую искусно готовил отец. Да и любую еду, к которой привык в Сибири, и которой так не хватало тут, в Америке. Если бы не голод и ограниченное пространство камеры размером с небольшую ванную комнату, условия содержания можно было бы назвать вполне сносными.

Душа в камере не было. Мы мыли тело в маленькой металлической раковине, протираясь влажной запасной футболкой или носком. У нас были негласные правила. Когда один идёт в туалет по-маленькому, другой находится на своей шконке. Когда по-большому, второй отворачивается и смотрит в стену, ждёт, пока тот справит нужду. Эти простые правила были нужны, они помогали создавать хоть какой-то комфорт в этих условиях.

На третий день совместного проживания с моим соседом произошло то, что случилось со всеми людьми, знающими меня какое-то время. Он попросил меня тренироваться вместе. Я не удивился. Так было с самого детства. Хоть я и не был самым сильным или главным, скорее наоборот, но когда я шёл на турники, весь двор начинал подтягиваться со мной.

С того дня мы начали тренироваться вместе. Мне нравилось обучать, передавать знания, накопленные за десять лет тренировок. Сосед кричал, потел и стыдливо оправдывался, но всё равно выполнял то, что мог повторить. А потом по полчаса с восхищением разглядывал свою мускулатуру в маленькое металлическое зеркало, и благодарил, перечисляя всех своих богов.

В тот день я шёл по тюремным коридорам, быстро переставляя ноги. Уже привычная тюремная одежда отдавала неприятным металлическим запахом. Обувь – китайские чешки – была мала и натирала ноги.

Ворота, решётки, засовы, ещё ворота, и я оказался в камере, где заключённые ожидали встреч со своими адвокатами. Я зашёл внутрь и за несколько секунд оценил атмосферу и людей.

Эта привычка появилась у меня с юности и обострилась в здешних условиях. Заходя в любое заведение, я научился сканировать пространство, деля людей на овец, баранов и волков. Ещё, правда, удавалось встречать пастухов, но это было редкостью.

В камере было всего четверо, но в воздухе висело сильное напряжение. Ещё бы, люди хотят уцепиться за единственную возможность, которая может исправить то положение, в котором они оказались. Эта возможность называлась адвокатом.

В левом дальнем углу на железной скамье сидело двое бедолаг, погружённых в свои мысли. Их можно было смело отнести к овцам. Один объект стоял за невысокой перегородкой и громко, без стеснения справлял нужду. Видимо, претендовал на роль волка, но дотягивал максимум до барана. Ещё один неподвижно стоял у решётки узкого окна и даже не повернулся, когда за моей спиной хлопнула дверь.

Странно: несмотря на лето, в камере был дикий холод. «Может быть, это способ давления», – пронеслось у меня в голове. Разместившись на скамье, я скрестил руки на груди, пытаясь сохранить тепло. Чуть прикрыв глаза, сфокусировал своё внимание на дыхании. Сколько мне тут сидеть в ожидании адвоката, было непонятно. В прошлый раз это заняло около 3 часов. В голове по кругу вращалась его фраза с нашей первой встречи: «Если сестра заплатит залог, тебе не нужно будет сидеть в тюрьме и ждать решения суда». А следом другая его фраза, после которой я впервые в жизни по-настоящему испугался: «Тебе инкриминируют 4 статьи с максимальным сроком, за каждую 20 лет».

Конечно, она сделает всё, чтобы вытащить меня отсюда. Ведь мы так хорошо общались в последнее время. Я был горд ею и уважал тот путь, который она проделала в чужой стране, приехав сюда ещё в студенческие годы. Сейчас она врач, востребованный специалист. Она прекрасно выглядит, у неё хорошая семья. Я с детства считал её примером.

Я вспоминал, как мы с отцом и братом приехали в Украину, как мы с сестрой бежали по утрам по стадиону. Я был ещё ребёнком, но образ спортивной, всегда улыбающейся сестры, говорящей с английским акцентом, навсегда запал мне в душу.

Да, мы были двоюродными, не родными, но она точно поймёт, что я просто попал не в ту компанию. Конечно, во что бы то ни стало она поможет мне. За день до моего ареста она попросила меня помочь ей с мебелью в недавно купленной квартире рядом с Central park. Я был рад за неё и с удовольствием согласился. Приехав на место рано утром, я обнаружил гору коробок с дорогой мебелью и всего одну крестовую отвёртку. «Сестра попросила, значит, надо помочь», – подумал я и приступил к работе.

Закручивая последний шуруп, я взглянул на свои руки. Пальцы, усеянные мозолями и кровоподтёками, еле сжимались в кулак. Полностью обессилив, я поднялся на крышу, где располагалась солнечная терраса, и уснул под заходящим солнцем.

Сестра приехала поздно вечером. Её улыбка и радостные возгласы были лучшей благодарностью для меня. Свои руки я показывать не стал. Прощаясь уже ночью, мы крепко обнялись и пожелали друг другу счастья, обещая поддерживать связь. На следующий день у меня был рейс. Она пожелала мне хорошего полёта и мягкой посадки в Москве. А на следующий день меня арестовали.

Вспомнив эти подробности, я ещё раз убедился, что скоро за меня заплатят залог, и я покину эти места.

Громкий стук по металлу вырвал меня из череды мыслей. Почему-то решётку в камере не открыли, и меня не позвали на выход. Поднявшись, я увидел своего адвоката, стоящего по ту сторону металлических прутьев. Свежий, с идеально уложенным пробором, в хорошем костюме, лоснящийся успехом и свободой, он вызывал у меня смешанные чувства. Быстро поздоровавшись, он сказал, что «это ненадолго», поэтому нас не поведут в отдельную комнату. Это смутило меня.

– Какие новости? – спросил я.

Он прикусил нижнюю губу и быстро забегал глазами по камере. Плохой знак. Он продолжал молчать.

– Тони, что такое? – не совладав с эмоциями, я повысил голос.

– Она сказала, что у неё нет никакого брата, – отрывисто бросил он, делая ударение на слове *никакого*.

Звон, снова этот жуткий звон раздался в моей голове. Второй звон. Первый был после того, как я сложил максимальные сроки четырёх статей, инкриминируемых мне, и получил в сумме 80 лет ареста. Сейчас звон был сильнее и неприятнее. Надежда растаяла в одно мгновение, как будто лопнул мыльный пузырь.

Это значит, что залог за меня никто не заплатит, объяснял я себе. Тони сказал что-то ещё, но я уже не слышал. Похлопав меня по плечу, он удалился, обдав меня ароматом парфюма, напомнившим запах океанского ветра.

В голове никак не укладывалось. Странно, у неё нет никакого брата. Но ведь у меня есть сестра. Или это больше ничего не значит? Ты один, совсем один, и никто тебе не поможет. Рассчитывать не на кого. Ты должен быть ещё сильнее, твёрже, жёстче и решительнее. И никаких чувств, Саша, никаких чувств. Они только причиняют боль, когда обрывается последняя надежда, и больше ничего. Эти слова я повторял весь вечер, глядя на себя в зеркало, стоя посреди камеры. Возможно, именно тогда я интуитивно опробовал силу самовнушения.

ГЛАВА 7. ЗВОНОК

Холодно.

Пытаясь уgomонить внутреннюю дрожь, я прижимаю ледяную трубку телефона к своему уху. Кто-то непонятно зачем поместил этот огромный аппарат в клетку и повесил на стену. А может, телефон тоже арестован и отбывает свой срок?

Большая чёрная трубка никак не хочет согреваться моими ледяными руками. В трубке тишина и холод.

«Fuck!» – срываюсь я. Почему тут блядь так холодно? На улице же было лето, когда меня арестовали, а прошло всего чуть больше недели.

Гудок, пауза, ещё гудок, пауза.

Неделя, прошла точно неделя. Лето же не могло закончиться за одну неделю? Видимо, для меня оно закончилось.

Гудок, пауза, холодно. Сильно сжимаю челюсти, чтобы не слышать стук зубов.

– Алло, алло! – сиплым голосом пытаюсь ухватиться за последнюю связь с чем-то родным и тёплым.

– Алло!

Тонкий лучик тепла.

– Мама? Мама!.. Привет, это я!

– Сынок, привет!

– Мама, ты меня слышишь?

– Да, слышу.

Тепло начинает просачиваться через телефонную трубку и согревать меня, вливаясь через ухо в тело.

– Саша, ты где? Что случилось? Твой рейс прибыл ещё неделю назад. Мы обыскались, что случилось?

– Мам, ты только не переживай, со мной всё хорошо.

– Тебя не было на рейсе, Петя ждал до ночи в аэропорту. Саша, где ты?

– Мам, послушай, со мной всё хорошо. Ты только не переживай. Это всё временно.

– Саша, сынок, что случилось? Ну говори же, где ты?

Тепло. Мои руки горели, наполняясь теплом любимого человека. Она всё поймёт, она всегда всё понимала. Ведь она столько всего пережила со мной. Она всё принимала тихо и спокойно.

Тихо и спокойно она смотрела на меня, когда её вызывали в милицию, когда я убежал в ночь на очередную разборку после тревожного звонка, когда меня притаскивали домой пьяного, не в силах стоять на ногах. А потом так же тихо и спокойно она плакала по ночам, мучаясь от бессонницы.

#Сделав глубокий вдох и попытавшись придать спокойствие своему голосу, я сказал:

– Мам, меня арестовали, сейчас я нахожусь в американской тюрьме. Не мог дозвониться раньше, потому что не было возможности. Ты только не переживай, ты же знаешь, со мной ничего плохого не случится.

Тишина, я слышу её дыхание. Она справится, она со всем справлялась.

– Да, Саша, я так и поняла, я почувствовала. Хорошо, держи меня в курсе. Я верю, что всё будет хорошо. Я тебя очень люблю.

– Спасибо, мам, я тоже...

Ком в горле прервал мою речь и перекрыл дыхание. Я не мог выговорить и слова. Слёзы разом хлынули из глаз и ручьями полились по лицу.

– Мам, я тебя тоже, тоже, очень сильно.

Охранник постучал по моему плечу, говоря что-то про время, но увидев моё лицо, умытое слезами и перекошенное дикой ненавистью к нему, тихо сказал: «Ok, one minute».³

Я собрался с силами и сквозь ком в горле прохрипел: «Я тебя люблю, мама, всё будет хорошо».

Связь оборвалась. Трубка в момент поledenела. Короткие гудки снова пронизывали моё тело холодом.

Вернувшись в камеру, я ощутил, что снова дрожу. Я залез на шконку и с головой накрылся тонким, неприятно пахнущим покрывалом. Оно не грело, оно просто защищало меня от того места, в котором я оказался. Но где-то глубоко в сердце я почувствовал искру спасительного тепла. Я буду хранить и оберегать этот огонёк, согреваясь им в минуты отчаяния. Огонёк материнской любви.

Это была последняя ночь в двушке, на следующее утро меня перевели в общую камеру.

³ «Окей, одна минута»

ГЛАВА 8. ПЕРЕВОД

USA. New-York, Manhattan. MCC – тюрьма

Где-то за дверью раздался голос. Он опять неправильно произнёс мою фамилию. Вместо Киреев у них выходило Кириив, но я уже привык и не пытался поправлять. Я отозвался.

– У тебя десять минут на сборы, – продолжил голос охранника. Собирать было нечего: сменные трусы и носки, в общем-то, всё. Собрав пожитки, я попрощался с соседом.

– Удачи тебе, воин! – произнёс на прощание сокамерник и вдруг заплакал.

– И ты береги себя и свою семью, – ответил я, испытыв одновременно благодарность и злость. Он опять позволяет себе проявлять чувства, от которых я пытаюсь отказаться. Он ещё живой, а значит, ему будет больно. Я не хочу, чтобы мне было больно. Резко развернувшись, я направился к выходу.

Перевод в общую камеру занял не больше получаса. Бесконечные коридоры, решётки, ржавый звук открывающихся замков, лифт, охранники, охранники, охранники... И вот я на месте.

Удивление – первое, что я испытал, оказавшись на 11 этаже в южном блоке манхэттенской тюрьмы. Двери распахнулись, и я увидел большое пространство круглой формы. По его периметру находились семь тиров – общих камер на 25 человек. Итого около 180 взрослых мужчин, нарушивших закон, озлобленных на весь мир и несправедливость системы. 24 часа 7 дней в неделю все вместе они находятся на территории размером со школьный спортивный зал.

Вместе с другими вновь прибывшими заключёнными я медленно проникал внутрь, шаг за шагом изучая пространство. Вокруг толпились местные. Они эмоционально встречали новеньких. Одни, не скрывая агрессии, буравили взглядом, другие читали рэп в свободном стиле – о том, как они будут сдирать кожу, а потом плясать на костях свежеприбывшего мяса. Другие встречали старых знакомых и тут же, братаясь, провожали их в тир.

Помня о том, что правая рука у меня бьющая, я переложил свои вещи в левую и пошёл вдоль левой стены. Не прошло и минуты, как за нами закрылись ворота входа. Я услышал резкий, скрипучий звук кроссовка. Так скрипят подошвы игроков на баскетбольном поле во время напряжённого матча. Затем глухой щелчок, как будто что-то лопнуло. Через мгновение справа от меня на полу уже лежал парень, с которым мы прибыли вместе. Вокруг стояли трое. Крупные, атлетичные – скорее всего, они были мексиканцами. Один из них добил упавшего незаметным, жалищим, коротким тычком кроссовка в пах, после чего сплюнул на него и был таков. Поверженный лежал без движения, не подавая признаков жизни. Толпа быстро поглотила это происшествие, как будто бы ничего не случилось. Все так же болтали, шумели и делали свои дела. Тот, кто добил парня, поднял взгляд и посмотрел на меня. Я стоял метрах в пяти и не мог оторваться от происходящего. Меня пронизывал звериный взгляд, внушающий страх. Неприкрытая агрессия просачивалась из-под сильно выступающих надбровных дуг. Под левым глазом у смотрящего была татуировка в виде трёх капель, две тёмные и одна белая.

– Ты что-то видел? – кривя лицо, спросил он. Я растерялся, пытаюсь разобрать его мексиканский акцент. Не понимая слов, я чётко понимал их посыл.

– Ты тупой или немой? – спросил второй из троицы. Он был на голову выше татуированного. Около двух метров, не меньше.

Я продолжал молчать и начинал напрягаться. Не зная, как реагировать, я автоматически попятился назад. Троица направилась в мою сторону и начала медленно прижимать меня к стене. Путь к отступлению становилось меньше, петля сужалась. В голове была одна мысль,

а точнее фраза, когда-то сказанная мне Хасаном: «Когда не уверен, что вывезешь соперника, бей первым».

– Эй, чувак, ты выводешь меня. Последний раз спрашиваю, ты что-то видел? – с ещё большим напором повторил татуированный и потянулся правой рукой в карман.

Бросаю вещи ему в лицо и сразу же вкладываюсь в правый прямой. «Бей первым, иначе будет поздно». Это была последняя мысль за секунду до голоса, опять раздавшегося словно откуда-то сверху.

– Братец, это ты? – прозвучал знакомый голос. Я увидел Боря и его брата Рому. Этот голос уже второй раз возвращает меня к жизни.

– Рад, что тебя перевели в наш блок, у нас тут весело, – не обращая внимания на троицу, говорил Боря, сжимая мне руки стальной хваткой. Братья отгородили меня от троицы, вытягивая из ловушки.

Они вывели меня из толпы, и все вместе мы пошли смотреть этаж. Троица мексиканцев сделала полукруг и направилась в другом направлении. Татуированный показал угрожающий знак, проведя большим пальцем правой руки по шее.

– Мы с тобой не закончили! – выкрикнул Амбал, и троица исчезла в тире под буквой С.

Братья появились вовремя, и экскурсия была весьма кстати.

– Саша, ты тут не зевай. Это, конечно, не Россия, но, если что, на раз порежут. Мы за тебя слово замолвим, видно, что парень ты свой. Но и сам не тупи. Здесь наш тир, – продолжал Боря, указывая на камеру с буквой Н.

– Тут вся элита, уважаемые люди. К нам в тир хотят все, да не у всех выходит. Только авторитеты и остальная братва. Здесь столовая и прачечная. Там наверху управляющая нашим блоком, Мисс Джинкенс. Чёрная вдова, которую половина тюрьмы хочет задушить, а вторая половина – отодрать. Жёсткая сука, аккуратнее с ней. Здесь Святая святых, наш зал, – подытожил Боря, указывая на небольшое помещение с одним-единственным турником для подтягиваний и отжиманий на брусьях.

– Запомни, каждый тир – это как отдельная страна. Мексы – парни простые, но лютые. В основном, тёмные дела с похищением людей за выкуп, наркота, налёты. Здесь наше местное чёрное гетто. Убийства, ограбления, гоп-стоп по-русски. Там нищета, мелкое ворьё, жулики, торговцы краденым. Здесь фриковые отморозки, киберпреступники, хакеры, которые легко могут взломать Пентагон. А вот тут лохи и всякие стукачи. И да, это пока твой тир. С новосельем. Ты хорошо подумай, надо тебе здесь оставаться или нет. С кем поведёшься, как говоришься.

– А у меня есть выбор? – спросил я.

– Выбор всегда есть, но не все решаются его сделать. Надо себя проявить, а там посмотрим.

– Понял, – ничего не понимая, ответил я.

– Да, и насчёт Штыря, это тот, кто тебя встретил, с каплями на лице, будь осторожен. Он своё прозвище не просто так получил, ему пожизненный светит.

– Окей. Спасибо вам, парни, – сказал я, стоя у входа в свой тир.

– Не благодари, сочтёмся, – ответил Боря.

Братья исчезли в толпе людей. А я стоял, не решаясь войти в свою первую общую камеру.

Переступив порог, я проник внутрь. В нос ударила волна разных запахов, от пряных индийских специй до парфюма и марихуаны. Здесь кипела жизнь людей, лишённых свободы. По периметру стояли металлические двухъярусные кровати. В центре камеры несколько пластиковых столов со стульями. В углу звучал телевизор. Те, кто были в камере, особо не проявляли интереса ко мне, и каждый занимался своими делами. Мне выделили верхнюю шконку прямо напротив входа. Место особо не отличалось от других, а я ни на что и не претендовал. Под кроватью стояли два локера – небольших пластиковых сундука для хранения лич-

ных вещей, которых у меня ещё не было. У кровати располагалось окно, чуть шире того, что было у меня в первой камере. Оно выходило на запад, и сквозь него внутрь попадал приятный алый свет Нью-Йоркского заката. Я забрался к себе на шконку, положил руки под подбородок и уставился в окно.

Точно такой же закат я наблюдал в свой первый вечер в Нью-Йорке. Я только переехал из другого штата, где отпахал очередные четыре летних месяца по студенческой программе обмена. Это была моя третья поездка на заработки в Америку. Мы стояли с моим новоиспечённым соседом по квартире, поляком Павлом, на крыше старого четырёхэтажного дома, затеявшегося в муравейнике Бруклина. Закат медленно покрывал весь район алой пеленой. Затем цвета становились ярче и насыщеннее, словно он созрел прямо у нас на глазах.

Все оттенки красного заволокли небо. Вокруг порозовело. Однообразные невысокие дома, машины, люди, деревья вдруг стали розовыми. Казалось, что-то спускалось с неба и проникало в людей, идущих с работы. Словно манна небесная снизошла на город, заставляя людей поднимать головы, смотреть вверх и улыбаться.

Я поймал эту улыбку на уголках своего рта, посмотрел на Павла. Тот тоже стоял, улыбаясь как младенец, увидевший лицо матери. Это длилось не больше минуты, но осело в моей памяти надолго.

Вот и сейчас я слегка улыбнулся, глядя на исчезающий розовый закат. Я не знал, что счастье – это выбор, который нужно делать много раз в течение дня, поэтому наслаждался лишь его крохами.

Переехать в Нью-Йорк меня вынудили обстоятельства, которые, как я полагал, от меня не зависели. Я не хотел ехать в большой город, а точнее, я его боялся. Город пугал меня. Мысль о том, что я стану одним из миллиона таких же никому не нужных студентов-эмигрантов, просрочивших свои визы и оставшихся тут в поиске американской мечты, угнетала. Но что было делать? Остаться в маленьком курортном городке на берегу Атлантического океана после недавних событий я уже не мог. Вернуться домой в Россию? Кому я там нужен, что меня ждёт? Мутки, движухи, криминал?

Да, я абсолютно чётко понимал, что на родине, в Иркутске, у меня мало перспектив. Родители уже несколько лет были в разводе. Мама пребывала в депрессии, но тогда я этого не понимал и не умел её поддержать. Чувство вины и обида двигали мной в те годы, я часто выливал наружу неконтролируемую агрессию. Отношения с отцом были ещё хуже. Мы почти не встречались, изредка общаясь по телефону. Иногда он забирал меня из милиции после очередной разборки. Под действием алкоголя я закипал, и наружу поднималось всё, что накопилось. Я посылаю его, он в ответ отказывался от меня. Так и общались. Брат из чувства вины и долга уехал искать своё счастье в столицу. Отношения в нашей семье в те годы были как минимум напряжёнными.

Я чувствовал себя виноватым и должен был всё исправить. Думал, что деньги дадут ощущение стабильности, поэтому прилагал все усилия для заработка. В 16 закончил школу и устроился грузчиком на оптовый рынок. Через год узнал о программе по обмену студентами, где, по слухам, загораю на океане, можно было за лето заработать до 10 000\$. Поступил в институт и в 18 впервые поехал работать на лето в Штаты. Там я быстро нашёл работу и хорошо зарекомендовал себя в одном итальянском ресторане. Он находился в небольшом туристическом городке, прямо на побережье Атлантического океана, куда американцы приезжали в сезон отпусков.

Нет, я не работал. Я пахал на четырёх должностях по 16 часов в день без выходных с одним 20-минутным перерывом на обед. Зато по ставке в 10\$ за час, что для студента из России в 2009 году было из ряда фантастики. За 4 месяца такой пахоты и сна по 5 часов в сутки мне удалось заработать на оставшуюся часть года на родине.

Это была моя третья поездка в Америку, и я понимал, что по студенческой визе меня туда больше не пустят. Возвращаться домой без права въезжать обратно в Америку не хотелось. Год назад мой первый зал, который я открыл, чтобы тренировать парней с района, закрыли люди в форме. Они объявили его рассадником преступности, а на меня хотели повесить организацию ОПГ. Я понимал, что дома меня ждёт статья или, в лучшем случае, своя шиномонтажка. Нет, я хотел чего-то большего. Вот только чего, я не знал. Плана на будущее у меня не было, поэтому я просто продолжал пахать. Но в один из дней там, на кухне итальянского ресторана, в котором я работал, произошла ситуация, которая вынудила меня уехать в Нью-Йорк.

ГЛАВА 9. ПЕКЛО

USA. Ocean City. Maryland. До апеста

Пекло – это единственное слово, подходящее для описания работы на кухне в том популярном итальянском ресторане. Я работал там на четырёх позициях с открытия до закрытия.

Жара на улице, жар от большой дровяной печи, раскалённые капли оливкового масла, обжигающие языки пламени из десятков конфорок, накалённые эмоции от сотен заказов, одним словом – пекло или ад.

Сегодня ад начался ровно по расписанию в 17:00 с открытием входных дверей. На улице уже толпилась очередь из десятков человек, жаждущих отведать итальянской кухни в её лучших традициях. Двери, как всегда, распахнул управляющий рестораном Том. Его приятная улыбка в паре с королевскими манерами льстили гостям заведения, они были рады такому приёму и вниманию к их персонам.

Мне кажется, именно Том понимал меня лучше всего. Он видел, как я обжигаю руки в огромной дровяной печи, вытаскивая очередную подрумянившуюся пиццу. Видел, как я прихожу в ресторан с рассветом и этими же руками нарезаю 40-килограммовую голову пармезана, приготавливая всё для начала работы. А потом остаюсь далеко за полночь, чтобы закрыть двери за последними посетителями и помочь ребятам-мексиканцам с мойкой посуды. Том видел это и понимающе качал головой, вручая мне каждые две недели конверт с деньгами, и этого мне было вполне достаточно.

Что движет людьми, которые каждый день стоят в очереди на сорокоградусной жаре добрых полчаса в ожидании заветной пасты с трюфелем или салата Капрезе? Еда никогда не была для меня предметом поклонения, поэтому я не мог сам себе ответить на этот вопрос и молча делал свою работу.

От постоянно распахивающихся входных дверей температура в ресторане росла, хотя кондиционеры работали на максимум. Всё это напоминало боевые действия. Посетители были с одной стороны баррикад. В своих лёгких изысканных нарядах они смеялись и шутили, делая залп очередных заказов. С другой стороны были мы, семь человек, которые по воле судьбы каждый вечер оказывались в одной лодке. Мы отвечали им выстрелами приготовленных блюд.

Кухня была расположена посреди зала, и посетители видели всю нашу работу, как на ладони. Наши ошибки, нервы и триумфы. Обычно поток людей шёл волнами. Их было то очень много, то на короткий промежуток времени не было совсем. В такие редкие паузы мы могли позволить себе отдохнуть и подготовиться к следующей волне, пополнив свои боеприпасы.

В этот вечер волн не было. То, что началось в 17:00, можно было смело назвать цунами. Поток людей был бесконечным, наши боеприпасы в виде заготовленных мной утром ингредиентов для разных блюд закончились уже к 20 часам, и мы были вынуждены успевать делать двойную работу. Официанты носились как сумасшедшие в предвкушении хороших чаевых. Управляющий Том успел сменить вторую рубашку. Уже не вприпрыжку, а спокойно, сохраняя ресурсы, он маневрировал меж заполненных столиков. Несмотря на пару пропущенных торпед в виде недосоленного супа со шпинатом и слегка подгорелой «Маргариты», наше судно ещё держалось на плаву.

Позже команда начала сдавать позиции. Было слышно, как кто-то из поваров выходит из себя и срывается на официантов. Время ожидания заказов растянулось до неприличных 45 минут, а иногда достигало и часа. Мы гребли изо всех сил, но не справлялись с этим цунами.

В нашей семёрке всё было неплохо, кроме одного – отсутствия явного лидера. Судну явно не хватало сильного, харизматичного капитана. Был, правда, Майкл. Кстати, капитан аме-

риканской армии в отставке. И он был неплох, когда посетителей было немного. Но когда волна клиентов накрывала с головой, он нервничал и выходил из себя, срываясь на всех вокруг и замечая каждую оплошность членов команды.

Был ещё старый Джордж, и он был несомненно крут. Но ему было за семьдесят, и скоростью мышления в экстремальных условиях он тоже не отличался. Также был Билл, и его шутки расслабляли всю команду. Но возглавить судно шуту никто не позволит, да он и сам не возьмёт на себя такую ответственность.

Я часто думал о том, чтобы взять штурвал в свои руки, даже однажды говорил об этом с Томом. Получил ожидаемый ответ – двадцатилетнему студенту из России, приехавшему по программе обмена, никто никогда не позволит управлять командой американцев, проработавших на кухне не один год. Закусив своё ущемлённое эго, я продолжил молча делать своё дело.

Мне нравилось работать у печи, и у меня это неплохо получалось. Многие посетители, глядя, как я управляюсь с пищей, думали, что я потомственный итальянец и частенько начинали говорить со мной на языке Челентано. Однажды одновременно я готовил восемь пицц, хотя рекордом до этого считалось семь. С того момента место у дровяной печи было официально отдано мне.

Я обожал запах горящих дров, жар, идущий от печи, и особый запах корочки слегка подрумянившейся пиццы. Вот и в этот вечер я готовил одну пиццу за другой. К двадцати часам счёт перешёл за сотню. Я уже привык к постоянному жару и почти не потел, волосы на моих руках давно обгорели, а лицо всегда было ярко-красного цвета. Но это место и сам процесс приготовления пиццы я бы не променял ни на что. Подумав об этом, я вдруг ощутил, что не хочу менять место работы и уезжать из этого городка. Остаться бы тут на осень и зиму, может, хоть океан увижу... Но странное дело, меня ведь никто не гонит отсюда, к чему бы такие мысли?

Чёрт! Я вдруг почувствовал резкий запах гари. Устал, задумался, и одна из пицц подгорела. Придётся делать новую, а это ещё несколько минут к ожиданию заказа.

– Что там случилось? – раздался голос Майкла.

– Алекс в своей преисподней сжёг пиццу, видимо, она была неблагочестивой, – пошутил Билл. Шутка удалась, и команда отреагировала звонким смехом. Смеялись все, кроме Майкла. Он был уже на взводе.

Громко ударив половником о кастрюлю с соусом маринара, он вдруг выкрикнул:

– Как же я устал работать с непрофессионалами!

Члены команды с улыбками на лицах понимающе переглянулись, но сдержали подступающий смех. Все уже давно привыкли к подобным выходкам Майкла и не обращали на них внимания.

На кухню прибежала официантка с очередным чеком, на котором был напечатан заказ, и протянула его Майклу. Тот вырвал чек из её рук и попытался повесить на специальную полку, где уже висели десятки других заказов, ждавших своего исполнения. Но вдруг чек отлепился от полки и медленно спланировал прямо в ту самую кастрюлю, полную соуса маринара, которую минуту назад ударил Майкл. И это безобидное происшествие стало последней каплей, переполнившей чашу терпения бывшего капитана американской армии. Он схватил тот же половник и со всего размаху ударил уже не по кастрюле, а по её содержимому. Капли вкуснейшего маринара попали на каждого члена команды. Все приняли это с юмором, но Майкла, видимо, это подстегнуло ещё сильнее. Он начал орать и высказывать недовольство членам команды. В ответ все кинулись его успокаивать и уговаривать продолжить работу. Все, кроме меня.

Я молча стоял в противоположном углу кухни и с отвращением смотрел на взрослого мужика, не умеющего держать себя в руках. Мне было противно. Выросший в семье военных,

я не мог представить, чтобы посреди боевых действий один из капитанов поддался бы эмоциям и вёл себя подобным образом. В тот момент что-то перещёлкнуло в моей голове. Спокойным, но громким голосом я произнёс:

– Shut the fuck up, pussy! Be a man and do your job!⁴

Такой тишины в ресторане не было никогда. Молчали все. Команда, официанты, посетители. Бывший капитан смотрел на меня с перекошенным от гнева лицом.

– Что ты сказал?

– Ты слышал, – ответил я.

– Хочешь разборки? Тогда пойдём выйдем! – орал он.

– Пойдём, – с готовностью ответил я и начал развязывать свой фартук.

Внезапно всё ожило и наполнилось звуками. Ребята из команды держали Майкла, на весь ресторан орущего, что ему угрожают при десятках свидетелей. С другой стороны были мы с Томом. Том подошёл ко мне и сказал, что попытается всё уладить, дружески похлопав по плечу.

Но концерт продолжался. Майкл демонстративно снял и бросил свой фартук на пол, заявив, что не будет работать, пока меня не уведут с кухни. Истерика затянулась, посетители начинали волноваться, официанты недоумевающе переглядывались. Старый Джордж подошёл ко мне и тихо на ухо произнёс: «Ты сделал то, что хотел бы сделать каждый. Спасибо тебе». Его старческие глаза были полны детской радости.

Спустя время Том с печальным видом позвал меня в свой кабинет. Закрыв за мной дверь, он предложил выпить, я отказался. Он залпом опустошил рюмку с водкой и объяснил, что дело дрянное. Майкл отказывается работать со мной на одной кухне. Больше того, он хочет подать на меня в суд.

– Что, какой суд? – с недоумением переспросил я.

– Сегодня тебе лучше покинуть кухню. Приходи завтра с утра как обычно, а я что-нибудь придумаю, поговорю с Габриэлю.

Молча я вышел из кабинета Тома и направился к выходу из ресторана. По пути я видел десятки глаз, одни провожали меня с сочувствием, другие с радостью и ликованием. В голове крутился один вопрос: неужели предчувствие меня не подвело и на этот раз? Неужели всё хорошее не может длиться вечно, и я только что поставил точку в своей ресторанной карьере?

В ту ночь я пошёл на океан и долго бегал босиком по берегу в свете луны. В наушниках звучали знакомые голоса Цоя, ДДТ и Бутусова. Бег, свет луны, огромные волны океана и музыка помогали мне заглушить вопросы внутри. Вернувшись домой без сил, я упал на кровать и мгновенно отключился.

⁴ – Закрой рот, сучка! Будь мужчиной и делай свою работу!

ГЛАВА 10. ХУДОБА

Раннее утро следующего дня. Рассвет яркими лучами наполнил город красками и жизнью. Воздух был пропитан свежестью и прохладой, которая бодрила и пробуждала ото сна. Как всегда невыспавшийся, я пытался разглядеть дорогу перед собой.

Я гнал вперёд спортивный велосипед, подаренный на днях Габриэлло – владельцем ресторана «Манцинис», в котором я ежедневно трудился от рассвета до заката. Обычно мой путь до работы занимал около 25 минут пешком, но сейчас на этом раритетном спортивном болиде я должен был уложиться в 5—7 минут. С силой вдавливая удобные педали, я с каждой секундой набирал скорость.

Шоссе было прямым и просматривалось на несколько километров вперёд, а поперек его пересекали 147 улиц. Я включил максимальную скорость и, словно заправский велосипедист, наклонился вперёд к рулю, снизив сопротивление ветру к минимуму. Улицы мелькали одна за другой. Мне казалось, я взмываю над землёй.

Поворот головы влево. Сбоку выезжает старый бежевый «Бьюик». Резко жму на рулевые тормоза обеими руками. Теперь уже действительно отрываюсь от земли и взмываю в воздух.

Кто-то замедляет киноплёнку моего фильма. В ушах вакуум. Мой неспешный полёт над капотом машины. Дурацкие мысли, пролетающие в голове. Машина старая, но в отличном состоянии. Женщине за рулём лет 90, не меньше. Она так широко открыла рот, что верхняя вставная челюсть осталась лежать на нижней. «Глаза не вырони, – язвительно проносится у меня в голове. – И чего тебе не спится в такую рань?» Полёт подходит к концу. Сейчас будет больно. Выпрямляю руки перед собой, готовясь к падению. «Только аккуратнее с правой рукой», – напоследок проносится в голове.

Скорость воспроизведения киноплёнки возобновляется. Удар, кувырок, ещё удар, скольжу по чистому асфальту. Говорят, они его тут мылом по ночам моют, но я не видел. Глубокое прерывистое дыхание, глаза закрыты. Звуки возвращаются, вытягивая меня из вакуума.

Открываю глаза. Голубое небо удивительно чисто и свежо. Не поднимаюсь, ощупываю себя руками с ног до головы. Вроде всё на месте. Аккуратно сажусь. Руки и локти в крови, ладони содраны до мяса. Голова цела, ноги работают, колени в ссадинах. Осматриваю тело на наличие скрытых переломов. Всё хорошо. Пронесло. Смотрю в небо, кто-то там наверху явно заботится обо мне. «Спасибо тебе за то, что каждый раз замедляешь плёнку, а то бабку, сидящую за рулем, я бы точно так хорошо не разглядел», – про себя произношу я.

Встаю. Смотрю на оторопевшую пожилую даму за рулём. Она хватается за сердце, потом пытается непослушными руками вставить челюсть на место. Только не помирай сейчас, думаю я на русском, а вслух на английском произношу: «Всё хорошо? Вам нужна помощь?»

Она смотрит на окровавленного меня и почему-то ничего не отвечает. Обхожу машину, поднимаю погнутый велосипед и начинаю ковылять по направлению к ресторану. Вскоре меня начинает тошнить, пробирает сильный озноб, дико ноет запястье на недавно зашитой правой руке. Видимо, болевой шок, главное, чтобы с рукой было всё хорошо, думаю я и продолжаю идти.

Подхожу к ресторану, всё плывет, в глазах темнеет, кладу велосипед и прохожу внутрь. Габриэлло с улыбкой победителя встречает меня. Неужели Том не рассказал ему о том, что случилось вчера вечером? Это было первое, о чем я подумал. Через мгновение улыбка исчезает с лица босса.

– Алекс, что случилось? Тебе нужна помощь? Вызвать «скорую»? – сбивчивым голосом спрашивает он и подаёт мне полотенце.

– Чай, горячий чай и много сахара, – отвечаю я и, опираясь о стену, прохожу в туалет.

Пытаюсь разглядеть себя в зеркало, зрение почти пропадает, меня трясёт и тошнит. Смачиваю полотенце холодной водой и сажусь на пол, чтобы не удариться при возможном падении, если вырублюсь. Через минуту в туалет заходит Габриэлло и приносит чай. Сажусь, пью. Горячий сладкий напиток быстро приводит в сознание. Этот рецепт на случай стрессовых ситуаций я где-то прочитал и взял на вооружение, а сейчас он мне отлично пригодился.

Понемногу прихожу в себя. Понимаю, что всё в порядке, и, возможно, я даже смогу сегодня работать. Словно услышав мои мысли, босс спрашивает, могу ли я сегодня работать, объясняя, что без меня они не справятся, ведь за день я сменяю четыре работы, и им нужно четыре человека, чтобы заменить меня одного. Поднимаясь на ноги, я отвечаю, что попробую.

Беру полотенце правой рукой и протягиваю его Габриэлло, но оно, не дойдя до адресата, падает на пол. Я на секунду замираю, пытаюсь понять, в чём дело. Медленно наклоняюсь за полотенцем, но начальник опережает меня, хватая полотенце и говорит, что подождёт меня снаружи. Внутри нарастает нехорошее предчувствие. Я вдруг понимаю, что произошло, но всё ещё не хочу признаваться в этом. Тянусь правой рукой к кружке с чаем, и мои опасения подтверждаются. Рука не может держать кружку, пальцы просто не сжимаются с достаточной силой. Правая рука не работает.

Меня пронзает дикое отчаяние. Отчаяние от собственного бессилия. Делаю ещё одну попытку, и мне даже удаётся немного оторвать кружку от стола, но через секунду по раковине разлетаются её осколки. Я смотрю на руку, вижу на запястье некрасивый шов, а точнее, то, что получилось после четырёх попыток зашить руку, и погружаюсь в недавние воспоминания.

Месяц до моего вылета в Америку. Весь белый и обессиленный от потери крови, я бреду по ночным улицам незнакомого сибирского города. Моя правая рука перемотана полотенцем. Ищу травмпункт. Нахожу почти развалившееся здание со спасительной вывеской. Стучу, никто не открывает, ещё раз, тишина, бью ногой. Слышу за дверью ругань и мат, в проёме появляется сильно пьяный человек в окровавленном халате, сходу обдающий меня перегаром.

Из нормальных слов я услышал только: «Тебе чего?» Всё остальное было отборным матом. Показываю руку и алое полотенце. В ответ матерная тирада, после которой человек в халате впускает меня внутрь. Проходим через тёмный и насквозь прокуренный коридор. Ещё одна дверь, и мы внутри.

Большой кабинет, посреди стол, на столе несколько бутылок водки и колбы. Видимо, со спиртом. За столом четверо, все в медицинских халатах.

– Мужики! – орёт мой провожатый. – У нас тут пассажир, надо шить, кто меньше всего выпил?

– Выпили мы все поровну, но я трезвый и не работаю, – отвечает высокий худой мужчина, лицо которого ничуть не напоминает Айболита, а голос один в один как у Высоцкого. – Иди сюда, пацан, – произносит он хриплым и сильным голосом певца, прикуривая самокрутку, и воздух наполняется приятным сладким дымом.

Человек одной рукой отодвигает бутылки со стола, другой достаёт из кармана иглу.

– Клади руку, не ссы, в окопах под пулями и не таких зашивал.

Кладу руку, вижу, как человек смачивает иглу в прозрачной жидкости из рядом стоящей колбы, непонятно откуда достаёт нитку и начинает шить. Замечаю на обеих руках наколки в виде синих перстней. Терплю. Три аккуратных шва – и всё готово.

– Свободен, – произносит человек и подрезает нить непонятно откуда взявшимся скальпелем. Я пытаюсь сжать кулак, но пальцы не слушаются и сжимаются лишь наполовину.

– Не торопись, дай время зажить, не нагружай, – хрипло говорит доктор, делая большой глоток прозрачной жидкости.

– Спасибо, мужики, я завтра зайду и рассчитаюсь, – обещаю я, еле стоя на ногах.

– Заходи, пацан, мы тут постоянно сидим, – откликается кто-то за столом, но из-за густо парящего в воздухе табачного дыма я не вижу говорящего.

Толкаю дверь, прохожу в прокуранный тёмный коридор. Ещё одна дверь, и свежий ночной воздух ударяет мне в нос. Голова перестаёт кружиться, медленно прихожу в себя. Поднимаю глаза в небо и по привычке подмигиваю самой яркой звезде на небосводе.

До номера, в котором я остановился, далеко, но ночной весенний воздух так свеж и наполнен ароматами цветущих трав, что я решаю пройти пешком. Медленно перебираю ногами по грунтовой дороге и представляю, как уже через месяц буду гулять босиком по пляжу Атлантического океана в Америке. Главное, чтобы рука успела зажить. Ведь пахать мне там придётся часов по 15 в день, нужно быть готовым. Останавливаюсь, смотрю на зашитую руку и пытаюсь сжать кулак. Пока ничего не получается. Но на мне всё быстро заживает. И рука заживёт.

Поднимаю глаза и вижу, как по пустынной улице, перебирая полукруглые ноги и что-то ворча, бежит старушка. И что она забыла тут в ночное время? Выхожу на пересечение двух дорог, поворачиваю за угол. Оттуда мне навстречу, чуть не сбивая с ног, без света фар вылетает старая шестёрка. Я рефлекторно делаю шаг в сторону, и это спасает мне жизнь. Выругавшись, поворачиваюсь и вижу, как машина, которая только что чуть не сбила меня, сбивает ту самую колченогую бабку.

Машина на секунду притормаживает, а через мгновение с сильной пробуксовкой опять набирает скорость и проезжает прямо по ноге сбитой старушки. Из всех сил бегу за машиной, но она растворяется среди ночных неосвещённых улиц.

Подбегаю к бабке. Её нога лежит в неестественном положении, серые колготки залиты кровью. Забыв о своей руке, я хватаю её, и, взяв на руки, несу до уже известного мне травмпункта. Вспоминаю, как на тренировках мы с ребятами брали друг друга, закидывали на плечи и бежали так, пока есть силы. Но тут не тренировка, да и ноша у меня не простая.

Слышу тихие стоны и причитания бабки, больше похожие на молитву. Подбегаю к знакомой двери, стучу, не открывают. Держать бабку уже нет сил, стучу громче, слышу за дверью спасительный мат. Огонёк сигареты обдаёт тусклым светом знакомое лицо.

Мат, много мата. Вдвоём бежим по коридору, дверь, та же компания, тот же стол.

– Кладите сюда, – указывает на соседний стол тот, кто 15 минут назад зашивал мне руку. Кладём. Бабка начинает плакать и истошно орать.

– Ты идиот? Или герой? Тебе что, больше всех надо? – смотря в упор, орёт татуированный хирург голосом Высоцкого.

– А что я должен был сделать? Оставить её на дороге, чтобы она там сдохла? – ору в ответ. Всё вокруг начинает кружиться. Не понимаю, в чём дело.

– Ей и так жить немного осталось, а ты её сюда приволок! Герой хренов! Смотри на руку свою, идиот!

Только сейчас чувствую, что по моей правой руке и ноге льётся что-то очень тёплое. Медленно соображаю, что, видимо, разошлись швы. Рефлекторно сгибаю руку в локте. Из кисти начинает фонтанировать темная жидкость. Татуированный ловким движением хватает меня за кисть и быстро пережимает пульсирующую артерию пальцем.

Игла, нитка, ещё три шва. На том же месте. Голова кружится, глаза закрываются сами собой. Чувствую резких запах спирта, вижу гранённый стакан и руку с синими перстнями, держащую его.

– Давай пей, герой.

Самая страшная мысль в голове: а вдруг я не смогу работать?

Иду в туалет. Без всякой надежды пробую закрыть кран, но не могу сжать пальцы. Придётся признать, что мне нужен отдых...

Взгляд у Габриэлю, моего начальника, был обеспокоенный.

– Как ты, Алекс? – быстрее, чем обычно, произнёс он, выдав своё волнение. Я собрался с силами и сказал ту самую фразу. Фразу, которая для меня была равна признанию себя самым плохим и слабым человеком на свете.

– Я не могу, Габи, рука не работает. Мне нужно несколько дней для восстановления. Томительная пауза повисла в воздухе.

– Я не могу дать тебе выходной, ты же понимаешь? Тут всё завязано на тебе, а найти человека на замену я просто не успею.

Последние слова словно ранили меня в самое сердце. Мысль о потере работы, тем более по причине здоровья, была для меня подобна смерти. Или всё-таки ему сказали про вчерашнюю ситуацию с Майклом? Туго соображаю.

– Не надо никого искать, дай мне один день, завтра я буду готов работать, – заполнил я затянувшуюся тишину.

– Хорошо. Отдохни день, а сегодня я сам поработаю за тебя, – отозвался Габриэлло, изобразив неестественную улыбку.

– Окей, – ответил я и развернулся, направившись к выходу из ресторана.

– Кстати, Алекс, мне рассказали про вашу вчерашнюю стычку с Майклом. Сегодня мы будем с ним разговаривать. Не знаю, к чему это приведёт, он парень эмоциональный, – сообщил Габи.

Эти слова были как выстрел в спину. Я обернулся, посмотрел боссу в глаза и, не найдя, что ответить, молча побрёл к двери. Мне жутко хотелось доехать до дома и весь день просто спать. Но выйдя из ресторана, я услышал сильный шум волн. И понял, что никуда не поеду.

Весь оставшийся день я провёл на пляже. Иногда заходил в воду и омывал океаном свою многократно шитую руку, приговаривая слова, которые мне говорила мама, когда купала меня болеющего в детстве: «С Саши вода, вся худоба, как с гуся вода, вся худоба...»

Я купал себя в водах Атлантического океана, приговаривая эту пословицу до самого заката. Словно ещё не рождённое дитя в утробе матери, я наслаждался тёплой водой и ласкающими, заживляющими и смывающими все боли волнами.

ГЛАВА 11. СОЛДАТ ПРОТИВ КАПИТАНА

На следующее утро я уже был в строю. Правая рука почти не работала, но я старался скрыть это, замотав её эластичным бинтом. Выполнять всю работу одной левой было непросто. Но я, стиснув зубы, старался сделать всё, чтобы не потерять своё место.

Заканчивался девятый час моего обычного рабочего дня. Наступила небольшая пауза, в которую я мог подкрепиться, сменить форму, поотжиматься и морально настроиться на оставшуюся половину. Подготовка к полноценной работе ресторана и принятию бесконечного потока клиентов была завершена. Эта часть дня называлась Preparation.

Обычно в это время в ресторане находились двое – владелец Габриэлло Манчини и я. Но в этот день босса не было, поэтому я всё делал сам. Такое случалось и раньше, но сегодня я переживал из-за вчерашнего падения с велосипеда и стычки с Майклом.

Ресторан «Манчинис» достался Габриэлло по наследству от отца, и он с достоинством выполнял свой долг, гордо неся над головой знамя лучшего итальянского ресторана в штате Делавэр. Это был харизматичный, обаятельный и, как все итальянцы, слегка неуравновешенный мужчина лет пятидесяти. Меня всегда поражали те наслаждение и увлечённость, с которыми он отдавался всем процессам, в которых находился. Утром он мог психовать и с пеной у рта орать матом на машину для изготовления теста, которая случайно смешала два куска пиццы в один. А вечером, дефилируя между столиками с галантностью короля, он сам разливал вино и устраивал светские беседы с именитыми гостями. По утрам он включал музыку группы «Doors» так громко, что гудел весь ресторан. Кстати, под неё же Габриэлло обучал меня разным премудростям кухни. Он чувствовал себя великим кулинаром, а я молча учился, представляя, как через несколько месяцев, вернувшись домой, куплю себе новую машину, возможно, даже иномарку, и под песни Круга буду гонять по сибирскому бездорожью.

Я нехотя переоделся в форму, которую носили повара. Такие переодевания я совершал 3 раза за день, ежедневно сменяя 4 должности. Утром приготовления, потом готовил пищу, затем помогал официантам, а по ночам перед закрытием мыл посуду вместе с парнями из Мексики.

До краёв наполнив тарелку пастой, я щедро полил её соусом маринара, положил поверх две большие сосиски, припудрил всё это великолепие сыром пармезан и пошёл обедать на задний двор. К тому моменту моя непроходящая усталость уже дошла до предела, и еда не приносила никакого удовольствия. Постоянно хотелось спать, аппетита не было, но я старался запихать в себя еду, чтобы не умереть от переутомления. Я всегда был сухим, но после трёх месяцев работы по 16 часов высох совсем и держался на честном слове. Есть мог только раз в день. В остальное время еда вызывала тошноту.

Пройдя с тарелкой мимо мусорных баков, я вышел за территорию ресторана и направился дальше по улице. Удерживать посуду одной рукой было неудобно, но я целенаправленно шёл туда, где обедать было запрещено. Впрочем, мне было плевать, ведь это единственное, что поддерживало меня и не давало всё бросить.

Наконец, ощущая его запах. Запах и ветер, наполненные свободой и жизнью. Шаг, ещё шаг, я поднимаюсь на пригорок, и перед глазами появляется он – берег Атлантического океана. На секунду замираю. Делаю глубокий вдох, закрываю глаза, свежий воздух наполняет лёгкие. Голова кружится от усталости и этого пьянящего аромата. Сильный ветер пронизывает насквозь, и его мощный порыв подхватывает моё тело. Тарелка с едой падает прямо в песок. Видимо, сегодня останусь без обеда. Ладно, уже неважно. Улыбаюсь и из последних сил бегу навстречу бесконечной синеве.

Весь свой перерыв я просидел у океана. Смотрел на огромные бирюзовые волны. Накопившаяся усталость, боль в руке, переживания по поводу работы... вся суэта смывалась и разбивалась волнами о берег.

– Я очень устал! Поплыву по волнам, и будь, что будет, – признался я себе и океану и направился обратно в ресторан.

На часах было около четырёх, сотрудники готовились к открытию. Меня встретил управляющий Том и попросил зайти в кабинет босса. Внутри сидел Габриэлло и с невесёлым лицом смотрел на красивую бутылку ликёра «Гранд Марньер». Этим напитком он впервые угостил меня при устройстве на работу. Второй раз мы наслаждались им, когда он дал мне ещё три должности и повысил зарплату. Сегодня был третий случай. Но на этот раз повод был невесёлым.

– Алекс, садись, – тихо сказал он. – Когда я нанимал тебя на работу, я видел в тебе честного русского солдата, готового лечь грудью на амбразуру, если придётся...

Он начал издали, разливая ликёр по маленьким красивым рюмкам. Дело дрянное, подумал я.

– А когда ты попросился ещё на три должности, то я понял, что могу довериться тебе. Ты отличный боец, Алекс, честный и трудолюбивый. Вот и сейчас ты с неработающей рукой выполняешь работу, которая не всем нам под силу. За это мы с Томом тебя очень уважаем. Но есть проблема. Майкл... Майкл грозит подать в суд, вчера мы говорили с его адвокатом. Он утверждает, что ты угрожал ему, есть свидетели, и если он предпримет меры, то тебя затаскают по судам. Я знаю его уже давно, поверь, он этого не оставит. Ты задел его честь, а он всё-таки капитан американской армии в отставке... Я вынужден тебя уволить, Алекс. И тебе лучше уехать отсюда подальше.

Он подвинул рюмки с ликёром мне и Тому. Мы молча выпили. «Солдат против капитана, – пронеслось у меня в голове, – логичное завершение».

– Спасибо тебе за всё, Алекс, – сказал с печальным взглядом Том и похлопал меня по плечу.

– Через много лет я вернусь сюда, но уже как гость. Надеюсь, ваша паста будет всё так же вкусна, – ответил я, приняв неизбежное. Внутри тёплой струйкой потёк приятный персиковый ликёр. Он согревал нутро и помогал проглотить нарастающий ком обиды в горле.

– А это тебе от нас за службу, русский солдат! – сказал Том, протягивая мне красивую бутылку текилы.

ГЛАВА 12. ВЕРЬ

Шум волн, плавно накатывающих на песчаный берег, напоминал мелодию какого-то фильма. Сперва это был просто шум, а после начал прослеживаться чёткий ритм едва узнаваемой песни. Рано, было ещё очень рано. Еле разлепив глаза, я не мог с точностью сказать, сколько уже нахожусь здесь, но я точно помнил, что пришёл сюда ещё вчера вечером на закате. В голове сильно гудело, и шум волн, по началу раздражающий, сейчас, наоборот, оказывал целебное, успокаивающее воздействие.

Что это за мелодия? Какой-то боевик или старое советское кино? А может, я слышал её в далёком детстве на пластинках? Так и не найдя ответа, я повернулся на бок и порыскал рукой в песке, чтобы найти бутылку. К счастью, я нашёл две. Первая бутылка была пустой, изваянной в песке. Зачем-то я поднёс её горлышком к носу и сделал вдох. Запах текилы почти выветрился, но еле уловимые нотки всё же добрались до моих рецепторов и чуть было не вызвали рвотный рефлекс. Это был прощальный подарок от Габриэлло и Тома. Поморщившись, я отложил бутылку на песок и снова взглянул на океан.

Помню, как три года назад, увидев его впервые, я встал, как вкопанный, и несколько минут просто смотрел, боясь пошевелиться. Он поразил меня своим величием, могуществом, силой и красотой. Сейчас, несмотря на гул в голове, я смотрел на него с тем же благоговением. Волны продолжали наигрывать мелодию какой-то песни.

Жажда и сухость в гортани напомнили, что я хотел пить. Уже несколько минут я держал в руке вторую бутылку. Она была вся в песке, как и первая, но с закрытой пробкой.

Зачем я так напился вчера? Ах да, я же смирился с тем, что мне придётся уехать из этого места. И от бессилия решил поступить так, как обычно поступают одинокие мужчины с тяжёлым прошлым в романах Ремарка. А именно – прийти на закате на берег океана, вооружившись пледом и последней собственноручно приготовленной пищей. Предусмотрительно захватил с собой бутылку текилы и ещё одну бутылку простой воды. Да, это решение далось мне непросто. Возможно, я вообще впервые столкнулся с тем, на что не могу повлиять.

Наконец-то очистив горлышко бутылки от мокрого песка, я открыл её и почти залпом опустошил наполовину. Почувствовав сильную боль в голове, я как будто опять опьянел. Решил не сопротивляться, безвольно рухнул на спину. О таком похмельном эффекте я слышал от друзей, но ещё ни разу не испытывал его на себе. Зачем же я так напился? Лёжа на песке и глядя в голубое, до неприличия безоблачное небо, я продолжал наблюдать за ходом хаотичных, сбивчивых мыслей.

Он вроде капитан американской армии в отставке. Но разве капитан может себя так вести? Я, двадцатилетний пацан, приехавший по программе обмена студентов в Штаты, молча делаю свою работу и не позволяю эмоциям брать верх. А он, взрослый мужик, живущий здесь всю жизнь, истерит по каждому поводу!

Шум волн словно массировал мою голову своей таинственной мелодией. В попытке вспомнить песню, я перевернулся набок и, подложив плед под голову, уставился на океан. Теперь я видел и его, и волны, и небо. В правом виске что-то стучало. Наверное, это было давление или ритм песни, которую напевал мне океан, намекая на что-то очень важное. Я решил, что не уйду отсюда, пока не разгадаю эту загадку.

Да, алкоголь – это не моё, я убеждался каждый раз. Большинство проблем в жизни я обретал благодаря алкоголю. Хорошо, что эти проблемы можно было пересчитать по пальцам. А эмоции я всё-таки тоже не сдержал, сказав то, из-за чего начался весь сыр-бор. Хотя, получилось круто. Нет, ни капли не жалею. Да и чего жалеть? По-моему, я взял всё, что можно было взять от этого небольшого туристического городка, и, видимо, пришло время двигаться дальше. Но куда? Может быть, на другое побережье, в Лос-Анджелес? Там известный всему

миру Голливуд – Мекка киноиндустрии. Я же в детстве мечтал стать киноактером, как Брюс Ли или Ван Дамм. Или всё-таки в Нью-Йорк и участвовать в подпольных боях, как Тактаров? Тренер Хасан правильно говорил, у меня нет таланта. Но у меня есть кое-что другое – характер. Я умею пахать и добиваться результата. А если домой? Нет, только не домой. Скоро осень, мой день рождения, братва будет рада. А рад ли буду я вернуться в родной город после того, как видел океан? Видел, что можно жить иначе. Честно работать и достойно зарабатывать. Брать кредиты под один процент. Заботиться о природе, ездить по хорошим дорогам. Покупать себе вещи, которых ещё нет, а может, и не будет в магазинах моего города. Не знаю. Я ничего не знаю.

От бессмысленных размышлений стук в висках стал усиливаться, и я закрыл глаза. Так было уютнее и как будто спокойнее. Нужно расслабиться и просто слушать шелест волн. Океан явно хочет мне что-то сказать. Может быть, он знает ответ, куда мне теперь деваться? Да, точно, он всё знает, я просто не умею его слышать. Нас, людей, разучили это делать и оболванили, разлучив с природой. Хотя мы все вышли из океана.

Мысли уносили меня всё дальше и дальше, перерастая в сны. Я спал, и мне снился бушующий ледяной океан. Его огромные волны поднимались на сотни метров ввысь и обрушивались с высоты на мою маленькую лодку, где я, привязанный к штурвалу, изо всех сил пытался сопротивляться стихии. Впереди, за волнами, почему-то виднелась Статуя Свободы. Моя тщетная борьба с природой продолжалась довольно долго. Когда я вконец обессилен, то просто повис на штурвале как на распяты, а затем встал перед ним на колени. Верёвки ослабли, и я смог вытащить руки, соединив их в молитвенной позе. Я собирался с мыслями, чтобы что-то сказать, как вдруг из рации, что стояла рядом со штурвалом, громко заиграла до боли знакомая песня:

Но странный стук зовёт: «В дорогу!»

Может сердца, а может стук в дверь.

И когда я обернусь на пороге,

Я скажу одно лишь слово: «Верь!»

Загадка была разгадана. Я проснулся, но не открывал глаза, продолжая наблюдать. Океан пел песню Виктора Цоя. Улыбка медленно расплзалась по моему лицу. Да, это была та самая песня.

С трудом преодолев силу земного притяжения, я встал на ноги и медленными шагами пошёл в сторону океана. Мне хотелось поблагодарить его за подсказку. Я в голос кричал слова песни, и мне в такт вторили волны, делая ударение на последнем слове «Верь!».

ГЛАВА 13. САМУРАЙ

USA. New-York, Manhattan. MCC – тюрьма

Первая неделя после перевода на одиннадцатый этаж прошла в постоянных раздумьях о будущем или его отсутствии. Я всё ещё пребывал в полном непонимании. Что ждёт меня дальше? Дадут ли мне срок или отпустят? Что у них вообще есть на меня? Кто меня сдал? А если будет срок, то какой? Мой адвокат пропал. Информации с воли не поступало. Вопросов было много, а ответов нет. Как-то надо было жить. Я рассудил просто: сейчас я здесь, поэтому буду устраивать свой быт, готовясь к худшему исходу.

Восемьдесят лет. Эта цифра пугала меня каждый раз, когда я думал об этом. Восемьдесят, сука, лет. Это же целая вечность. Большинство даже на воле не доживает до таких лет.

Когда-то давно я где-то смотрел или читал про путь самураев. Там говорилось, что настоящий самурай каждое утро представляет, что он сегодня умрёт, а ночью думает о том, что уже не проснётся. Это помогает ему принять любой исход событий и не бояться. В ту первую неделю я решил, что буду делать так же. Каждое утро и несколько раз на дню я говорил себе, что мне дадут восемьдесят лет. Выйду я отсюда, когда мне будет сто. Или вообще не выйду. Но каждый божий раз, когда озвучивал это вслух или про себя, я продолжал бояться. В моём животе, как шар, разрастался огромный, неконтролируемый, леденящий страх. Он опускался в пах, заливал ноги свинцом, расползался по рукам, делая их ватными и безвольными. Парализующий животный страх поднимался вверх к груди, охватывал спину, и я чувствовал, как мой позвоночник начинает ржаветь. А потом страх добирался до моей головы. Бил в виски, стучал в затылок, ударял в лоб. Тогда появлялся этот проклятый шум в ушах. В эти минуты я хотел рухнуть обратно на шконку, спрятаться под плед и никогда больше оттуда не вылезать.

Хуёвый из тебя самурай, Саша, подумал я, стоя в туалете. Я смотрел на себя в металлическую пластину, висящую на стене. Она заменяла зеркало. В ней отражался леденящий страх моих глаз. Ничего, у тебя ещё восемьдесят лет в запасе. Я пытался иронизировать, но мне плохо это давалось.

Первое время я заставлял себя просыпаться на завтрак. Тело изнывало после недавно начатых тренировок и недосыпа, поэтому оторвать себя от подушки было непросто. В 6:30 после утреннего пересчёта во всех тирах на час открывали закрытые на ночь ворота. На завтрак вставали лишь единицы – те, кому не помогали с воли. Среди них был и я. Это была почти единственная возможность получить пачку молока, упаковку сладких хлопьев и какой-нибудь фрукт. А если повезёт, и парни на раздаче окажутся нормальными, то оставшуюся еду продолжают раздавать среди тех, кто встал, пока она не закончится. Так я иногда возвращался к своей шконке с целой охапкой фруктов, хлопьев и пачек с молоком. Что-то из утреннего пайка я заносил братьям Боре и Роме, с которыми мы стали сближаться и иногда тренироваться в зале. Чем-то удавалось обмениваться, что-то просто отдавал парням, с которыми уже успел познакомиться. Себе оставлял лишь то, что съем. Фрукты были на вес золота, поэтому их я ценил особенно. Это был один из немногих способов получить хоть какие-то витамины в тюремных условиях.

Тем, кто был в лесных походах, не нужно объяснять, как ценится простая карамелька, когда ты неделю или две не видел сладкого. Примерно такое же чувство испытывали все заключённые. Банка Нутеллы или бутылка Кока-колы считались здесь серьёзными подарками. Но, что бы я ни ел, сколько бы ни запихивал в себя, я всегда оставался голодным. Словно поселившееся в животе чувство страха пожирало всю еду за меня. Перед арестом я весил 70 килограмм, а теперь за две недели похудел до неприличных 57. Это злило, и я налегал на всё, что мог съесть.

Сегодня мне повезло. Три небольших коробочки молока, три яблока и три пачки хлопьев. Две пачки молока, если получится, обменяю на апельсин, который видел вчера у Англичанина. Он говорил, что ему нужно молоко для чая, а мне нужен его перезревший апельсин. Два яблока отдам Братьям, они обещали переговорить со своей братвой насчёт перевода в их тир, хотя это из области фантастики. Одну пачку хлопьев и яблоко оставляю на вечер. Значит, сейчас за ранний подъём могу побаловать себя двумя пачками хлопьев, залитыми безвкусной белой жидкостью, которую они называют молоком.

Я быстро проглотил свою добычу, не ощутив вкуса. Что-то в животе отозвалось урчанием. Видимо, этого зверя зовут страх. Покормил его, и можно ещё на часок завалиться на боковую. Охрана опять закроет ворота камеры, чтобы уберечь нас от свободы, и откроет их ровно в 9:00.

Завершив завтрак, я полез на свою шконку. Да, самурай из меня никудышный. Вместо того, чтобы бороться со своим страхом, я его только кормлю, подумал я и задремал.

Вспомнился вкус молока, которое мы пили в детстве. Мы жили в небольшом военном городке под Великим Новгородом. За нашим домом располагался огромный заливной луг, на котором паслись коровы. Мы с парнями дразнили их, когда шли из школы домой. Бегали и мычали вокруг коров, опасаясь, что сорвётся колышек, к которому они привязаны. За лугом на холме была деревня. Как-то раз мы с братом пошли туда за молоком. Тогда я впервые увидел, как доят корову и попробовал свежее, ещё тёплое молоко. Не помню, чтобы вкус мне понравился, скорее удивила обстановка. Сарай, запах сена и навоза, травы, развешанные по стенам, косы и другой хозяйственный скраб. Там всё дышало жизнью и свободой. А здесь наоборот. Жизни нет ни в чём, ни в пластиковых фруктах, ни в серых бетонных стенах, ни в баночках с белой безвкусной жидкостью. Здесь жалкие крохи свободной жизни пытаются взрастить и уберечь люди, нарушившие закон. И как меня угораздило оказаться среди них?

ГЛАВА 14. ОРУДИЕ

Мой тир назывался «Ни о чём». Имелось в виду, что тут нет достойных людей, с которыми стоит считаться. Из постоянных его обитателей были двое подружек, которые пилились на тренирующихся в зале, не сильно это скрывая. Вечная троица пропащих картёжников, которые проигрывали друг другу всё, что можно было проиграть, затем брали в долг и отыгрывали всё назад. Один парень из Беларуси, который замечательно играл в пинг-понг, но почему-то был настолько надменен, что не опускался до общения на русском языке. Огромный, громкий и очень навязчивый серб, который постоянно сравнивал меня с Иваном Драго из кинофильма «Рокки». Несколько темнокожих парней, по-моему, из Эфиопии, которые не находили себе места. Они были настолько забиты, что их практически не было видно. Группа латиносов, которые, казалось, были рады пребыванию в этих стенах. Они постоянно громко общались и шутили между собой. Пара пенсионеров с отсутствующим видом, которые целыми днями читали газеты и обсуждали новости. Остальные просто приходили, а через несколько дней бесследно исчезали. Скорее, их переводили на другие этажи или тюрьмы.

Это произошло после обеда, когда ворота всех камер были открыты на 5 часов до вечернего отбоя. Тренировка только закончилась, и я, уставший, возвращался в камеру. Вначале нас было человек 30, и мы все подтягивались по очереди по 10 повторений. Кто пропускал подход или не выполнял свою десятку, вылетал и уже не мог вернуться в очередь. Он шёл делать какое-то другое упражнение или отдыхал. Я вылетел на седьмом кругу. У меня за спиной было десять лет тренировок, армейского рукопашного боя и тайского бокса, я брал призовые места на разных соревнованиях, но подтягивания всегда были моей ахиллесовой пятой.

Я сделал ещё комплекс на отжимания, приседания и упражнения на пресс. Попрошался с братьями, которые только закончили последний круг на подтягивания, дойдя до 30 повторений за подход. Затем направился к себе в тир. Взяв сменную майку, пошёл в душ. В тире царила странная тишина, как будто на койках никого не было. Не придав этому значения, я зашёл в душевую комнату и увидел перед собой двоих из той самой троицы любителей текилы и сальсы. Опершись на раковину, в углу стоял Амбал, возле него мексиканец поменьше ростом, но тоже хорошо сложенный – как шкаф, широкий и квадратный.

– За тобой должок, русский, – начал Шкаф и направился в мою сторону. – Для начала будешь приносить нам завтраки и отдавать всё, что тебе посылают с воли.

Я молча опустил глаза в пол, чего-то ожидая. В голове веером проносились мысли, одна неприятнее другой. Побежать к братьям, попытаться договориться, приносить завтраки? Это заводило ещё больше, страх в животе разрастался с невероятной быстротой. Я продолжал молча ждать. С каждым шагом Шкафа по направлению ко мне внутренняя пружина сжималась сильнее и сильнее. Шаг, ещё шаг. Рано, рано. Пружина сжимается сильнее, ещё сильнее. Он на расстоянии вытянутой руки. Сейчас!

Спусковой щелчок. Тело молниеносно, почти автоматически выполняет заученное движение. Я делаю короткий, еле заметный отшаг правой ногой назад, перенося на неё вес тела. Короткое касание носком пола, нога пружинит и начинает сгибаться, колено подтягивается к груди. Я собираюсь в комок и с бешеной скоростью даю пружине разогнуться, буквально выстреливая правой ногой навстречу идущему. Этот удар называется мае-гери. Я наработывал его тысячи раз, стирая стопу в кровь. Под присмотром Хасана по полчаса бил ногой о крышку камаза. Благодаря этому удару я выиграл не один бой. Он помог мне и сейчас. Шкаф не успел ничего сказать, двумя руками схватился за живот и рухнул на пол. Амбал с удивлением кинулся ко мне, но запнувшись о друга, на секунду остановился. Я подумал, что он испугался моего самурайского взгляда или тайской стойки с поднятыми локтями, но тут же заметил братьев, стоящих позади.

– Ты тут и сам хорошо справляешься! А мы думали, помощь нужна, – произнёс Боря с улыбкой Брюса Уиллиса. Он медленно прошёл в центр помещения. По-царски, с вальяжностью сделал круг и, не смотря на Амбала, повысив голос и перейдя на английский сленг, произнёс:

– Съебал отсюда. И не забудь своё говно. Штырю передай, что пацан с нами. Кто тронет, будет иметь дело со мной.

Всё это он делал с непоколебимой уверенностью в себе, не терпящей возражений. У входа в душевую уже стояла толпа зевак, и это привлекло внимание охранников.

Весь оставшийся вечер меня и всех свидетелей допрашивали. Никто ничего не говорил, это было правилом: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу». Только спустя время я узнал, что обычно в таких случаях всех участников драки разводили по другим этажам и добавляли время к сроку. Но мне почему-то повезло. Шкафа увезли в госпиталь, Амбал ничего не сказал и остался у себя в тире, а меня долго допытывали, куда я спрятал оружие, которым ударил Шкафа. Орудия не нашли, никто ни в чём не сознался, сошлись на том, что у него был резкий приступ желудочных болей. Меня отчитала Мисс Джинкенс, смотрящая за нашим этажом. А напоследок, словно бы невзначай, добавила:

– Это не твоё место, парень, тебе не следует играть в местные игры. Поверь мне, я уже 15 лет смотрю за этой тюрьмой.

Эти слова засели у меня в голове и долгое время не давали покоя, когда я решался делать то, что мне казалось правильным.

– Помнишь, я говорил тебе, что к нам в хату просто так не попадают, нужно зарекомендовать себя или как-то проявить? – напомнил мне Боря, встречая после разговора с управляющей.

– Да, помню.

– Сегодня ты себя проявил. Завтра можешь заезжать к нам. Я со всеми перетёр.

– Спасибо, Боря, – ещё не отойдя от случившегося, выдавил я.

– Не благодари, сочтёмся, боец.

По пути к своему тиру я оглядывался на камеру, где находился Штырь. И хоть я там никого не видел, мне казалось, что он смотрит на меня из глубины своего тира.

В ту ночь я практически не спал. Все в камере косились на меня и о чём-то шептались, но я не слышал, о чём. Только когда я уже почти сомкнул глаза, откуда-то снизу донеслось: «Его по любому приговорят. Штырь на воле человек десять закопал».

Всю ночь раздавались какие-то всхлипы, крики, стоны, тогда я ещё не знал природу их происхождения, но уже учился спать в полглаза. И только на спине.

ГЛАВА 15. Н-ТИР

Тюрьма – это маленькая копия мира, обстановка внутри которого меняется с бешеной скоростью. Ещё вечером всё могло быть хорошо и спокойно, но утром выясняется, что охрана кого-то не досчиталась. Ты ложишься спать без сил, но всю ночь не можешь уснуть из-за повисшего в воздухе скрипучего напряжения и предчувствия беды. Сейчас все дружелюбно стоят в ожидании обеда, а через мгновение кто-то лежит без признаков жизни.

Всё это не могло не влиять на меня. Хотя порой мне казалось, что всё хорошо, я спокоен и уравновешен. Только с годами я понял, как этот эпизод жизни отразился на моих отношениях с людьми. Мне казалось, я умею любить, но я обманывал себя. Ведь тогда, запретив себе испытывать страх, вместе с ним я отказался и от других чувств, потому что нельзя перестать чувствовать что-то одно. Ты либо чувствуешь всё и сразу, либо не чувствуешь ничего.

Развлечений в этом микромире было немного, и каждый, кто не ломался, искал или создавал свои. Я понял, что либо приму ситуацию, создав себе жёсткий график на день и буду строго его придерживаться, либо... Хотя, другого варианта для себя я не видел. После той стычки с мексиканцами мне показалось, что отношение других заключённых ко мне изменилось. Иногда мне уступали очередь за едой. Те, кто зарабатывал на стирке чужих вещей, легко согласились принимать мои вещи, хотя до этого даже не говорили со мной. Мне подогнали ещё один сменный набор трусов, носков и футболки.

К концу второй недели меня перевели в Н-тир, невзирая на то, что там сидела элита нашего этажа, люди с большими сроками и с пожизненным заключением. Слух о моей стычке с бандой Штыря молниеносно разлетелся по всей тюрьме. Боря замолвил за меня словечко, и в Н-тире меня хорошо приняли. Когда я заходил в тир, Beast спокойно, но так, чтобы его слышал каждый, сказал: «Это мой брат, он из России, я ему доверяю и прошу принять его как меня». Меня молча просканировали десятки холодных глаз, после чего я понял, что мне можно войти.

Место мне выделили одно из лучших по здешним меркам. Шконка возле небольшой полоски окна, дальняя от входа и прямо напротив телевизора. Я был на втором этаже, под мной был Рома, брат Бори, а сам Beast был на соседней шконке. Ниже был известный на всю тюрьму Роб.

Как в «Мире животных», этот тир пестрил необычными представителями криминального мира. Похитители людей, главари группировок, авторитетные рецидивисты – почти все провели в стенах разных тюрем как минимум треть своих жизней. Меня бы и на порог Н-тира не пустили, но мне в очевидной раз «повезло», и всё сложилось так, как должно было сложиться.

Справа от входа, в уютной, отделённой стеной секции расположился Айс. Это был 34-летний отлично прокачанный, мощный и всегда подозрительно весёлый король ямайской мафии, которого, по слухам, похищали из разных тюрем по меньшей мере 3 раза. Справа от меня, на нижнем ярусе двухэтажной шконки прямо под Борей, обустроил себе логово 47-летний огромный, двухметровый главарь одной из самых опасных группировок в нью-йоркском Queens. Это был Роб – с хитрым звериным прищуром и вечной зубочисткой во рту.

В глубине камеры за занавешенными покрывалами стояла неубранная кровать человека-легенды по имени Фейс. Он с лёгкостью фокусника не раз обводил вокруг пальца представителей закона. Никто толком не знал, сколько ему было лет. Могло быть сорок, а могло быть и шестьдесят. Оба предположения были бы верны. Передвигался он, опираясь на трость, двигался, как калека, но был ли он таковым или просто искусно притворялся, никто точно сказать не мог. С уверенностью можно было утверждать лишь то, что его знали в тюрьмах

всей страны от побережья до побережья. Да, здесь определённо была концентрация талантов, выбравших преступление закона своим образом жизни.

Но больше всего страха, а вместе с ним и интереса у меня вызывал человек, о котором говорили тихо и исключительно в первой половине дня. Иной раз заключённые, чтобы не произносить его имя, просто указывали в сторону его шконки аккуратным кивком головы. В самой удалённой части Н-тира в углу без окон, выбрав ночной образ жизни, обитал тот, кого по неизвестной мне причине не считали человеком. Его называли Dead man. За первую неделю, проведённую тут, я его ни разу не видел. Только слышал зычный храп и видел колыхание занавешенных шторок.

Несмотря на опасных представителей, в Н-тире царила особая атмосфера. Внутри камеры как будто был свой микромир. Со временем я стал ощущать тут спокойствие и даже что-то похожее на уют. Здесь не было лишних, только свои. Сюда приходили из других камер с подарками и взятками. Обращались за советом, просили о помощи. Часто можно было видеть картину, как местным авторитетам накрывали целые столы разных запрещённых продуктов, дабы подмазать и решить какой-то вопрос. Если ты был в Н-тире, то к тебе тоже было особое отношение. Я это чувствовал на себе.

С первого дня моего перевода в Н-тир начался жёсткий марафон работы над собой, который я сам себе и устроил. Подъём в 6:30 утра, запись заметок непроснувшегося ума. После шёл завтрак и большая утренняя тренировка. Холодный душ и неглубокий сон, который в йоге называют шавасаной. Обед, после него 4 часа чтения двух книг на русском, которые непонятно откуда достал и подарил мне Рома. Дальше ужин и вечерняя взрывная тренировка. В 22:00 отбой и десерт на сон грядущий в виде ерунды, которую покажут по телевизору. Итого 4 часа тренировок и 4 часа чтения. И так изо дня в день. Есть крыша над головой, ты одет и обут, тебя кормят. В целом, неплохо. Я смирился с тем, что имею, и мне как будто стало легче. Всё просто и предельно понятно. Работай над собой, не делай говна другим и, возможно, его не сделают тебе.

Я продолжал читать свою мантру для отрешения от чувства страха. Практически перестал общаться с другими заключёнными. Замкнулся в себе и отгородился от мира высоким забором. Мне так было удобно. Это помогало не распылять своё внимание и не чувствовать. Та ситуация в душевой показала мне, что доверять я могу только самому себе. Рассчитывать тоже можно только на себя. И у меня вполне хватит сил справиться с тем, что мне уготовлено. Буду рвать зубами и сопротивляться до последней капли крови, но не сдамся, что бы ни случилось. Доверия нет никому, даже братьям.

ГЛАВА 16. РОБ

«В крошечной темноте совсем ничего не было видно, но Эраст Петрович не растерялся, закрыл глаза и начал массировать их пальцами рук. Уже через 30 секунд он видел в полной темноте не хуже кошки...»

Вдруг меня что-то оторвало от увлекательного чтения. Буквально кожей я почувствовал тревожное напряжение в камере. Этим напряжением был пропитан весь воздух вокруг, хотя ворота камеры были открыты и заключённых на койках было человек 6 из 25. Остальные гуляли на общей территории.

Я постарался вернуться к чтению. После двухчасовой утренней тренировки оно было заслуженной наградой для меня. Опустив глаза в книгу, я услышал лязг запирающихся ворот, а следом прозвучал едкий, ржавый и уже знакомый голос.

– Эй ты, крыса! За тобой должок, и мы пришли его забрать.

Я перевёл глаза с книги на вошедшего. Это был Штырь, тот самый опасный мексиканец, шестёрки которого уже не раз подкатывали ко мне. Громкий, агрессивный, лет тридцати, с ног до головы забитый тюремными наколками. С нашей первой встречи прошёл месяц. Не знаю, как это можно было объяснить, но за всё время мы с ним виделись всего один раз. Неделию назад на утренней тренировке мы были в одной очереди на турник. Он сделал 10 подходов по 25 подтягиваний, неплохо для 100-килограммового куска мяса. Сейчас, как и в первый раз, его взгляд внушал животный страх и парализовал мою волю.

Он злится после недавнего суда, ведь он отхватил два пожизненных срока. Старается сделать себе имя жестокостью и давлением. Его можно понять, для многих это единственный путь в этих местах. С ним было ещё двое любителей текилы и сальсы. Уже знакомый мне Амбал и жилистый резкий малый со шрамом на полголовы. Странно, но их взгляды были устремлены не на меня, а на соседнюю с моей койку, с которой уже поднялся известный всей тюрьме Роб.

Афроамериканец сорока семи лет, почти 2 метра ростом, хитрый прищуренный взгляд и вечная зубочистка во рту. Это была его 4 ходка и 21-ый арест. Вооружённые налеты, похищение людей с целью выкупа, торговля оружием – его обычная реальность. В нём было не меньше 130 килограммов, на большой живот еле налезла футболка XXXL. В тюрьме он промышлял наркотиками, ставками, а ещё прекрасно готовил и по выходным работал на братьев, делая роскошную пищу.

Я даже не заметил, как другие заключённые покинули камеру. Наверное, так крысы бегут с тонущего корабля, спасая собственные шкуры. Исчезли все, кроме трёх мексиканцев, Роба и меня. Я не понимал, что происходит.

Тот из троицы, что был сухим и резким, быстро перетянул покрывалом вход. В камере как будто стало меньше воздуха и сделалось темнее. После произошло то, что я никак не мог объяснить. В секунду у всех в руках появились самодельные ножи. Две заточенные зубные щётки с впаянными бритвенными лезвиями и полноценный нож, сделанный из металлической арматуры. Он блестел в руках у Штыря. Переведя взгляд на Роба, я понял, что пришли не по мою душу, но легче мне не стало.

Роб смотрел на них, молчал и всё понимал. Он понимал, что бежать некуда, понимал, что их больше, понимал, что сейчас его будут резать ножами трое людей, которым нечего терять. Он перевёл взгляд на меня и всё это я прочёл в его спокойных глазах с хитрым прищуром.

– Саша! – раздалось за воротами.

– Саша, это не твоё дело! – кричали мне знакомые голоса. – Уходи оттуда!

Я видел, как сильные руки растягивают покрывало и ворота приоткрываются.

– Алекс, быстрее!

Я ещё раз перевёл взгляд на Роба. Он смотрел мне прямо в глаза или куда-то глубже. Наверное, так смотрят люди за секунду до смерти...

Троица двинулась вперёд, Роб отходил в глубь камеры. За решёткой орали другие заключённые.

Через мгновение в Н-тир вбежала вся охрана с нашего этажа, привлечённая криками заключённых. Трое мексиканцев уже как ни в чём не бывало сидели за столом, раздавая карты. Их заточки словно испарились в воздухе. Роб спокойно стоял рядом со своей шконкой в двух метрах от меня.

Начальник охраны спросил, в чём дело. Картёжники с удивлённым видом, словно не понимая сути вопроса, на секунду прекратили игру. Штырь ответил:

– Никаких проблем, мы просто играем в карты. Может, и наш друг к нам присоединится, – продолжил он, посмотрев на Роба.

В воздухе повисла пауза. Роб невозмутимо стоял на месте, не подавая ни малейшего признака волнения. Он словно пронзал взглядом каждого из троицы. Через мгновение он спокойно произнёс:

– Никаких проблем, начальник, ребята просто ошиблись камерой.

Роб развернулся и стал укладываться на свою койку. Удовлетворившись ответом, начальник охраны вывел троицу из камеры. Через 15 минут нас всех закрыли на обеденный пересчёт.

Зверь отвёл меня в сторону и сказал, что это не моё дело и тут не надо руководствоваться честью или совестью.

– Саша, я тебя не пойму, то ты ни с кем целыми днями не разговариваешь, то вдруг готов кинуться на ножи за едва знакомого бандита, в чём дело?

Я не мог объяснить ему то, что чувствовал. Таким я никогда ни с кем не делился, поэтому просто промолчал. Видя мои сомнения, Зверь продолжил:

– Бро, это не твой близкий, не лезь не в свои дела!

– Окей, – ответил я. Но знакомое с детства чувство поднималось в теле. Я называл это совестью, но, может быть, путал с чувством вины.

Подходило время обеда. Роб в этот день был на раздаче еды, а следовательно, должен был выйти из камеры первым. Все в тире занимались своими делами, как будто ничего не было и ничто не предвещало беды. На самом деле все только и думали, как он поступит, изредка косясь в сторону его шконки. Ведь Штырь так просто этого не оставит. Как только решётки нашей и других камер откроются, ему останется жить считанные секунды. Все понимали, что у Роба было два пути. Он мог просто выйти на раздачу еды, подойти к любому из охранников и сказать, что на него готовится покушение. Это был бы самый лёгкий и безопасный вариант. Тем самым он сохранил бы себе жизнь, но после этого он стал бы стукачом и навсегда заклеил бы себя трусом. Полчаса назад, когда охрана вбежала в камеру, он решил ничего не говорить. Теперь, громко зевнув на весь Н-тир, потягиваясь, словно медведь, пробудившийся после зимней спячки, Роб начал подниматься с койки.

Обычно он ходил в растоптанных тапочках, но сейчас надел кроссовки и начал их туго зашнуровывать. Затем достал из своего ящика несколько журналов, выбрал самые плотные из них и зачем-то стал запихивать их себе за резинку шорт. Увлечённый его действиями, я отложил книгу и стал наблюдать. Передо мной был человек, который сделал непростой выбор и решил принять бой. Опясав себя журналами, Роб совершил пару амплитудных махов руками, тем самым проверив надёжность своей брони. Поверх натянул свою огромную футболку, которая и так еле налезала ему на живот.

В этот самый момент раздался звук открывающегося замка. Охранник позвал Роба, чтобы тот шёл на раздачу.

Роб стоял на месте, все заключённые нашего тира смотрели на него. Достав из кармана зубочистку, он положил её в рот и тихо напел сам себе:

*You said you a gansta but you neva pop nuttin'
We said you a wanksta and you need to stop frontin'.⁵*

Ребята из тира одобряюще покачали головами, узнав слова из песни 50 Cent. Роб вышел, охранник закрыл решётку. Я взял книгу и продолжил читать. Сюжет книги был увлекательным, но сейчас то, что происходило вокруг меня, было намного интереснее. Чтение давалось с трудом. Только подумав об этом, я услышал грозный крик, раздавшийся на этаже. Многие заключённые подбежали к решётке, ожидая зрелища. За криком послышался неприятный, задевающий за живое, звук выворачивающегося сустава и хруст. Снова крик, но уже от боли. Звон упавшего металлического предмета, ещё один. Всё это сопровождалось скрипом кроссовок о пол. Действо заняло не больше 30 секунд. После раздались многочисленные крики охраны, свистки и звук сирены.

Я не видел и не хотел видеть того, что там происходило, решив перевернуть эту страницу, как переворачивал многие в своей жизни. Роба, как и Штыря, и его шестёрка, я больше не видел на нашем этаже. Что там произошло, я не знал и решил ни у кого не спрашивать. Всё это давило на меня. Может быть, это было чувство вины за то, что я не помог Робу. А может то, что предпочёл остаться в стороне, и Роб решил мою проблему со Штырём вместо меня. Этот эпизод только усугубил мою замкнутость. Тут вообще ни с кем нельзя общаться, чтобы не винить потом себя, подумал я и вместе с этим надел очередную броню недоверия.

Чувства рождаются в общении с людьми, они дарят надежду, а надежда причиняет боль. Значит, надо полностью исключить общение с людьми, не будет его, не будет надежды, не будет боли.

⁵ Ты говорил что ты гангстер, но даже никогда не стрелял. На самом деле ты балабол и хватит корчить из себя крутого.

ГЛАВА 17. СНИКЕРС

Мне наконец-то удалось связаться с Тони, моим адвокатом, которого нанял кто-то с воли. Этот кто-то явно не хотел, чтобы я рассказал полиции всё, что знаю и кого-нибудь сдал, поэтому на третью неделю моего пребывания в тюрьме мне сделали перевод на мой тюремный счёт в размере 500 долларов. Цифра по здешним меркам была внушительной. Адвокат назначил встречу на сегодня. Я так растерялся, что даже записал ряд вопросов, которые постоянно крутились в моей голове.

Меня провели по бесконечным коридорам, и я оказался в небольшом кабинете. Тони, как всегда, выглядел с иголочки. Волосы, уложенные гелем, аромат дорогого парфюма, по моему, это был Hermes. Сшитый на заказ костюм. Начищенные ботинки. Он словно испускал успешность свободного мира. Скорее, он походил на бандита намного больше, чем я в своих стоптанных китайских чешках и комбинезоне.

– Алекс, дорогой, я рад тебя видеть, – начал он, вставая из-за стола. – Хочешь колы или чего-то сладкого?

Меня удивила его вежливость. В предыдущие разы он не был столь галантен. Наверное, вчера на ночь хорошенько трахнул свою жену, а с утра позавтракал омлетом, который она заботливо приготовила. Приехал сюда на своём новеньком мерине, по дороге выпил свежесваренный кофе. Мысли сами собой рождались у меня в голове и сильно раздражали.

– Удавил бы за Сникерс и Колу, – сказал я, подавляя агрессию, хотя наружу рвалось, что мне ничего не надо.

Тони вышел, а через пару минут вернулся и положил на стол передо мной Сникерс и бутылочку колы. Я не поверил своим глазам. Почти месяц я смотрел на других заключённых, жрущих сладости, и иногда мне казалось, что я готов убить их за один укус шоколадки.

– Угощайся, это тебе, – вкрадчиво произнёс адвокат, видя мою растерянность.

Я схватил Сникерс и жадно вцепился в него зубами. Глюкоза растеклась по рту, и от количества сахара у меня даже закружилась голова. Только после ко мне пришла мысль, что он меня подкупает, и я буду ему за это что-то должен. Переборов себя, я кинул надкусанный батончик на стол.

– Что ты от меня хочешь? – в бешенстве выдал я, уже не скрывая злобы.

– Алекс, ты что? Мне ничего от тебя не надо, все окей, ты ничего мне не должен. Ты меня просто не так понял.

Я молчал, пережёвывая остатки арахиса, застрявшие в зубах. Врёт, сука. Холодная и манящая бутылочка с Колой уже покрылась конденсатом. Пузырьки медленно поднимались со дна наверх, призывая открыть и опустошить её залпом. Да похуй! Даже если это подкуп, я всё равно всё съем, решил я и взял обеими руками лакомства. Наверное, со стороны на это нельзя было смотреть, поэтому Тони учтиво устался в телефон, давая мне время. После того, как я расправился с угощением, настроение не улучшилось, а наоборот. Я стал ещё раздражительнее. Это всё есть у него в свободном доступе, а у меня нет. Он только что легко проник сюда и так же легко выйдет обратно, а я не могу этого сделать и вынужден сидеть тут. Хочу втащить этому уроду, думал я, ещё не осознавая главной причины своего гнева.

– Федералы хотят вызвать тебя на допрос, – тихо произнёс Тони. – У тебя есть два варианта. Либо ты отказываешься, и тебя судят по всей строгости, либо ты соглашаешься на содействие со следствием, и тебе дадут минимальный срок.

– Сука! – выдохнул я. И с этим выдохом перестал сдерживать всё, что копилось внутри этот месяц. То, чем я ни с кем не делился. – И ты, конечно же, хочешь, чтобы я выбрал второй вариант и настучал на всех? Ты что, блядь, хотел меня Колой и Сникерсом купить что ли? Я три недели не могу до тебя дозвониться, и тут ты приходишь весь такой чистенький и заявляешь

мне это? Ты решил на мне карьеру сделать? Сестра от меня отказалась, у матери там чуть ли не припадок. Тут, сука, раз в неделю кого-то валят. Я по ночам спать не могу, думаю, что меня либо зарежут, либо выебут. Живу с мыслью, что мне 80 лет тут чалиться. Руки на турниках в кровь сдираю, чтобы все видели, как я ебашу, и боялись, потому что сам боюсь и не знаю, что меня ждёт. А ты приходишь напомаженный в своём костюмчике, потому что тебе заплатили те, кто платил мне и предлагаешь всех сдать, закрыть дело и забить хуй на меня? За Сникерс, серьезно? Да тебе вообще похуй, что со мной будет!

Я закипал, чувствуя, как готов пробить голову этому лоснящемуся мудаку. Даже испугался от осознания, что это мне нравится. Адвокат молча смотрел на стол.

– Нихуя, Тони, не будет по-твоему. Мы сделаем так, как я скажу. Ты скажешь федералам, что я согласен сотрудничать, но я буду пиздеть. Искусно, как актёр в фильме. Я никого не сдам, потому что пока я их не сдал, они мне будут закидывать бабло на вот эти блять Сникерсы и Колу. Я заебался донашивать рваные трусы за кем-то и просить в долг шампунь у пацанов. Мне тут хуй знает сколько жить придётся, а помогать мне с воли некому.

Я чуть не заплакал, но вовремя сдержался, закрыв лицо руками. В воздухе повисла пауза, долгая и томительная. Тони молчал. Я закрыл глаза, сдерживая слёзы.

– Алекс, успокойся. Я твой адвокат, и в моих интересах помочь тебе. Пойми, их там будет человек десять. Они все психологи и прочитают любую твою эмоцию по лицу. Они каждый день занимаются тем, что раскалывают рецидивистов похлеще тебя. Их не обманешь. Они профессионалы.

– Да похуй. У меня нет выбора, – отрезал я.

Спустя пару дней меня вызвали на допрос. Странно, но не помню, чтобы я переживал или волновался на этот счёт. Мне кажется, что к тому моменту я уже мало чего чувствовал и действовал больше на инстинктах. В прямоугольном кабинете пахло бумагой и новой мебелью. Посередине стоял большой стол человек на 20. Тони встретил меня и проводил к месту. Наручники с меня не снимали.

Через минуту в кабинет вошла толпа людей. Все мужчины, в штатском, без жетонов и опознавательных знаков. Возраст от 30 до 50. Все как один – уверенные в себе. На меня смотрели как на говно. Всё это больше напоминало фильм.

Они начали с простых незамысловатых вопросов, и я не успел отследить момента, когда начался допрос. Они перебивали друг друга, не давая мне времени опомниться и подумать над ответом. Я принял позицию жертвы, которую использовали. Моя задача сводилась к тому, чтобы снимать деньги со счетов и передавать их другому лицу за вознаграждение. Имён не знаю, встречались пару раз. О том, что счета левые, тоже не знаю. За что меня арестовали, не понимаю. Напуган, боюсь, хочу домой.

Допрос закончился так же неожиданно, как и начался. Не знаю, сколько прошло времени. Часов в кабинете не было. Не говоря ни слова, все встали и быстро покинули кабинет. Тони смотрел на меня, я на него.

– Я свяжусь с тобой, Алекс, – обронил он уже в дверном проходе.

– Тони, а какая у тебя машина? – зачем-то в ответ спросил я.

– Мерседес, а что?

– Да нихуя, – тихо вырвалось сквозь зубы.

Меня забрала охрана и отвела обратно на 11 этаж южного корпуса. Толпы заключённых стояли в неровных очередях за едой. Значит, меня не было около двух часов. Встав в очередь, я увидел, что еда на подносах, которые держали в руках заключённые, была больше похожа на ужин. Только тогда я понял, что уже 6 вечера, а это значит, что допрашивали меня не меньше шести часов. Что я там наговорил, толком не мог вспомнить, голова кружилась, и всё было как будто в тумане. Поверят или нет? Это был единственный вопрос, крутящийся у меня в голове.

ГЛАВА 18. КРЫША

В тот день я задержался за книгой и опоздал к началу тренировки. По пути в зал я заметил небольшую очередь заключённых, которая стояла возле ворот, ведущих к общему лифту. Рядом стоял охранник и записывал фамилии.

– Бро, что там за очередь? – поинтересовался я у Бори.

– Не знаю, брат, сейчас проясним.

– Йо, Бро, – он окликнул темнокожего парня, который иногда тренировался с нами, что-то сказал ему и тот мигом побежал узнавать, в чём там дело.

– Они собираются на крышу, – выдал он, вернувшись.

– Что за крыша? – удивился я.

– Бежим, ещё можем успеть, – быстро сказал Боря, направляясь к толпе у ворот.

Мы успели. Охранник записал наши фамилии, и через пару минут мы всей толпой поднимались в огромном тюремном лифте. Моё сердце колотилось с бешеной скоростью. Ничего не спрашивая у братьев, я старался довериться какому-то детскому, почти безвозвратно утраченному чувству предстоящей радости. Ощущение праздника и долгожданного подарка рвалось из груди наверх. Стоять на месте было невозможно. Я ощутил, что похожее чувство испытывают все остальные заключённые. Их глаза становились чище. В них словно зажигалась давно погасшая искра надежды. На лицах стали появляться улыбки. В нас всех проникала жизнь.

Двери лифта распахнулись. Перед нами открылось большое пространство тюремной крыши. Наверху, по краям высоких стен, была натянута решётка. Но яркий солнечный свет легко проникал сквозь неё и слепил мои глаза, которые больше чем за месяц привыкли к искусственному освещению. Тёплый воздух обволакивал лицо и всё тело, привыкшее к искусственной прохладе кондиционеров.

Толпа, не сговариваясь, выбежала на открывшееся пространство, словно стараясь захватить каждый свободный участок. Не веря тому, что происходит, я сделал несколько шагов и остановился. Согревающий солнечный свет, синее безоблачное небо, воздух, наполненный тысячами запахов многомиллионного города, сотни звуков, поднимающихся снизу вверх, птицы, летящие высоко в небе. Всё это казалось сейчас нереальным. Как я успел отвыкнуть от всего этого за месяц? Зачем я поверил, что этого больше нет? Как я мог так быстро отказаться от жизни?

Подбородок затрясся, но я крепко сжал челюсти. Ком подступил к горлу, слёзы стали рваться наружу. Испуганно я приоткрыл глаза и увидел перед собой Борю. Он понимающе отвернулся и пошёл прочь. Стыдясь своей реакции, я быстро направился в сторону дальней стены, где никого не было. Надо спрятаться, иначе все увидят мои чувства, увидят, что я слабый, и перестанут считаться со мной.

Добежав до дальней стены, я коснулся её руками, затем облокотился лбом. Она была тёплая. Запах кирпича проникал в ноздри. Он уже успел прогреться за утро и сейчас, сохранив это тепло, дарил его мне. В очередной раз переборов свои чувства, я поднял глаза вверх. Стена уходила в небо, она была метров пять в высоту, не меньше. А за ней – бескрайняя синяя даль, простор свободы. Я пошёл вдоль стены, держась за неё рукой. Мне хотелось изучить вновь открывшуюся мне территорию.

Крыша делилась на два открытых пространства неправильной формы. Один зал был треугольным. В нём была баскетбольная площадка, два кольца и расчерченное поле. Рядом с полем был турник для подтягиваний, вбитый в кирпичную стену. Пол был из прорезиненного пластика, который хорошо впитывал дождевую воду. Эта территория была полностью освещена и поэтому на ней были почти все заключённые. Они разделились на тех, кто играл в баскет-

бол, и тех, кто просто загорал на солнце. Второе пространство прямоугольной формы было по большей части в тени. На нём была всего пара заключённых. Они шли на большом расстоянии друг от друга по часовой стрелке. Я хотел выбрать эту территорию, чтобы побыть с собой и осмыслить всё, что сейчас поднималось во мне, но Рома позвал меня на турник, напомнив о том, что идёт тренировочное время. Я не стал сопротивляться. Тренировка всегда помогала мне заглушать эмоции, с которыми я не умел справляться.

Помню, ещё в детстве, когда я злился после телефонного разговора, положив трубку, я падал на пол и отжимался до отказа. Наверное, именно необходимость куда-то выплескивать свои эмоции и привела меня в девятилетнем возрасте в тренировочный зал. Родители делили нас с братом все детство. Их ссоры, крики и разборки по вечерам на кухне не давали нам спать. Я остро чувствовал напряжение, витающее в воздухе между родителями. Сначала мне просто снились кошмары. Потом я стал мочиться под себя, просыпаясь от ужаса в холодном поту. Затем крутился по ночам, переворачивался с боку на бок и не мог уснуть. Меня стали водить по врачам и бабкам-заговорщицам, но ничего не помогало. Я успокаивал сам себя, когда чувствовал тревогу, а тревогу я чувствовал всегда, когда родители были вместе дома.

В 9 лет я впервые напился, в тот же год начал курить и впервые поцеловался, поэтому когда в нашем городке открылась первая и единственная тренировка по армейскому рукопашному бою, для меня это стало выходом. После были ежедневные изнурительные тренировки, соревнования и первые победы. Но каждый раз, когда я выходил на очередной поединок в ринг, на татами или в клетку, я боролся не с соперником, а с собой, который до чёртиков боялся кричащих на кухне родителей.

Вот и сейчас, после часа безжалостного тренинга, я обессиленный лежал на полу, ловил жаркие лучи солнца. Мысли о сроке не давали покоя. В очередной раз я выбрал уничтожить своё тело, чтобы завтра чувствовать боль мышц, а не боль души. Гораздо проще заглушить её тихий, едва уловимый шёпот и сфокусировать всё внимание на теле, чем вспоминать, как каждую ночь вздрагивал от любого громкого звука. Как прятался под одеяло, чтобы не слышать, не видеть и не знать, как родители не любят друг друга. Как бегал в туалет просто чтобы убедиться, что на кухне всё нормально. Как звал маму, чтобы она пришла в комнату и не ругалась с отцом.

Я научился всё делать исправно. Это помогало мне лучше, чем алкоголь или сигареты. Я, как и все, гордо называл это работой над собой. Только в этой работе не было ни капли любви к себе, а была одна ненависть и огромный страх. Именно страх двигал меня к новым спортивным высотам.

Летнее нью-йоркское солнце жарило, не жалея моё белое, отвыкшее тело. Братья и ещё несколько человек обессиленными валялись рядом на полу крыши. Мы были рады этой возможности глотнуть воздуха свободы.

Час закончился. Раздался резкий пронзительный звонок. Моё тело рефлекторно сократилось. Охранник засвистел в свисток и громко позвал всех к лифту. Наше время на свободе заканчивалось.

Ничего не произошло, но все как-то сразу погрузнели. Улыбки ушли с лиц, и осуждённые направились к лифту. Напоследок я обернулся и взглянул на небо. Это было прекрасное, невероятно красивое небо. Точно такое же небо могло быть где угодно, над родными Иркутском, Байкалом или где-то ещё. Только одна небольшая деталь отличала это небо нью-йоркской тюрьмы от других. Оно было в непреодолимую клетку прочной металлической решётки.

ГЛАВА 19. МИЛЛИОН

Пятьсот долларов неприкосновенно лежали на моём тюремном счету уже несколько недель. Проверяя баланс каждый день, я никак не мог решить, на что их потратить. Сумма была небольшая, но здесь, в полном отсутствии денег и стопроцентной зависимости от системы, это казалось богатством. А к богатству нельзя прикасаться.

На последней встрече адвокат передал номер тех, кто сделал мне этот перевод и теперь ждал моего звонка.

– Привет, это Саша, – начал разговор я.

– Да, я понял, привет. Нас прослушивают?

– Возможно.

– Как ты там?

– Держусь.

– Мы наняли тебе адвоката и закинули немного денег, получил?

– Да.

– Мы будем переводить тебе каждый месяц по 500 баксов. Пока больше не можем. Тебе хватит?

– Это лучше, чем ничего. Почему такая уверенность, что месяцев будет много?

– Эмм... – Пауза неприятно затягивалась. – Мы думаем, что ты никого не сдашь. А вот тот, кого взяли сразу после тебя, уже начал сдавать других. Ты знаешь, о ком я говорю. Уже взяли 30 человек, и все они могут сдать либо тебя, либо его. Такие дела.

– Пиздец, – сказал я.

– У вас на балансе осталась одна минута, – прозвучал в трубке приятный женский голос. Так обычно предупреждала телефонная карточка об окончании времени. На неё я всё-таки снял 5 долларов со счета, чтобы иметь возможность звонить.

– Окей, мне пора. Давай держись там. Если надо, поддержим родных.

– Нет, не надо, – отрезал я. – Давай.

В трубке раздались прерывистые гудки. Позади меня образовалась большая очередь из осуждённых, все ждали своего звонка. Я стал бродить по общей территории, размышляя о только что услышанном. Так, 30 человек, и все они были посредниками, снимавшими деньги со счетов. Обычно средняя сумма, которую снимал такой посредник, была примерно тысяча 50. Умножаем 30 на 50, получается полтора миллиона долларов. И, как я недавно узнал, если тебя кто-то сдаёт, его украденная сумма суммируется с твоей. Получается, если все 30 человек сдадут меня, то меня будут судить за похищение полутора миллионов долларов, плюсом туда пойдет моя сумма. 80 лет, полтора миллиона, это точно моя реальность? Тот, с кем я сегодня разговаривал по телефону, даже и не думает меня подогревать переводами в дальнейшем. Он просто прикрывает свою задницу, создавая видимость поддержки. Гнилой народ, может быть, это они меня и сдали...

Я присел у ближайшей стены и тупо смотрел на людей, которые тоже в какой-то момент решили преступить закон. Что вынудило их, что вынудило меня? Ответа не было. Точнее, он был, но признаться себе было невероятно сложно. Это значило пойти против себя, против того, в чём я себя убедил, признать свою неправоту.

Уже вечером после просмотра фильма среди сокамерников поднялся разговор. Его смысл, на удивление, был особенно актуален для меня. Главный вопрос звучал так: а сколько вы готовы отсидеть за один миллион долларов? Слово взял Фэйс, пожалуй, главный нарушитель спокойствия в тюрьме. Шут, балагур, серый кардинал. Не знаю, как правильно его описать. Но сказать, что он был неординарной личностью, значит, ничего про него не сказать. Дебаты накалялись. Начали со срока в год. Спустя несколько минут миллион оценивали уже в пять

лет лишения свободы. Я смотрел на всё происходящее и не верил своим глазам и ушам. Они реально готовы отдать 5 лет своей жизни на свободе за один миллион?

Потом я задал этот вопрос себе. Сейчас август, значит, прошло около двух месяцев с моего ареста. Готов ли я просидеть ещё десять, чтобы после выхода меня ждала такая сумма на воле? Без колебаний я ответил: «Да». Сам себя испугав таким ответом, я встрепенулся и сел на шконку, желая разобраться в своих мыслях. Разговор о сроке за миллион среди заключённых накалялся. Ставки уже преодолели планку в 10 лет.

Что? 10 лет? Вы серьёзно? В то же время внутри кто-то подзуживал, издеваясь: «Ты и сам только что с лёгкостью согласился на год тюрьмы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.